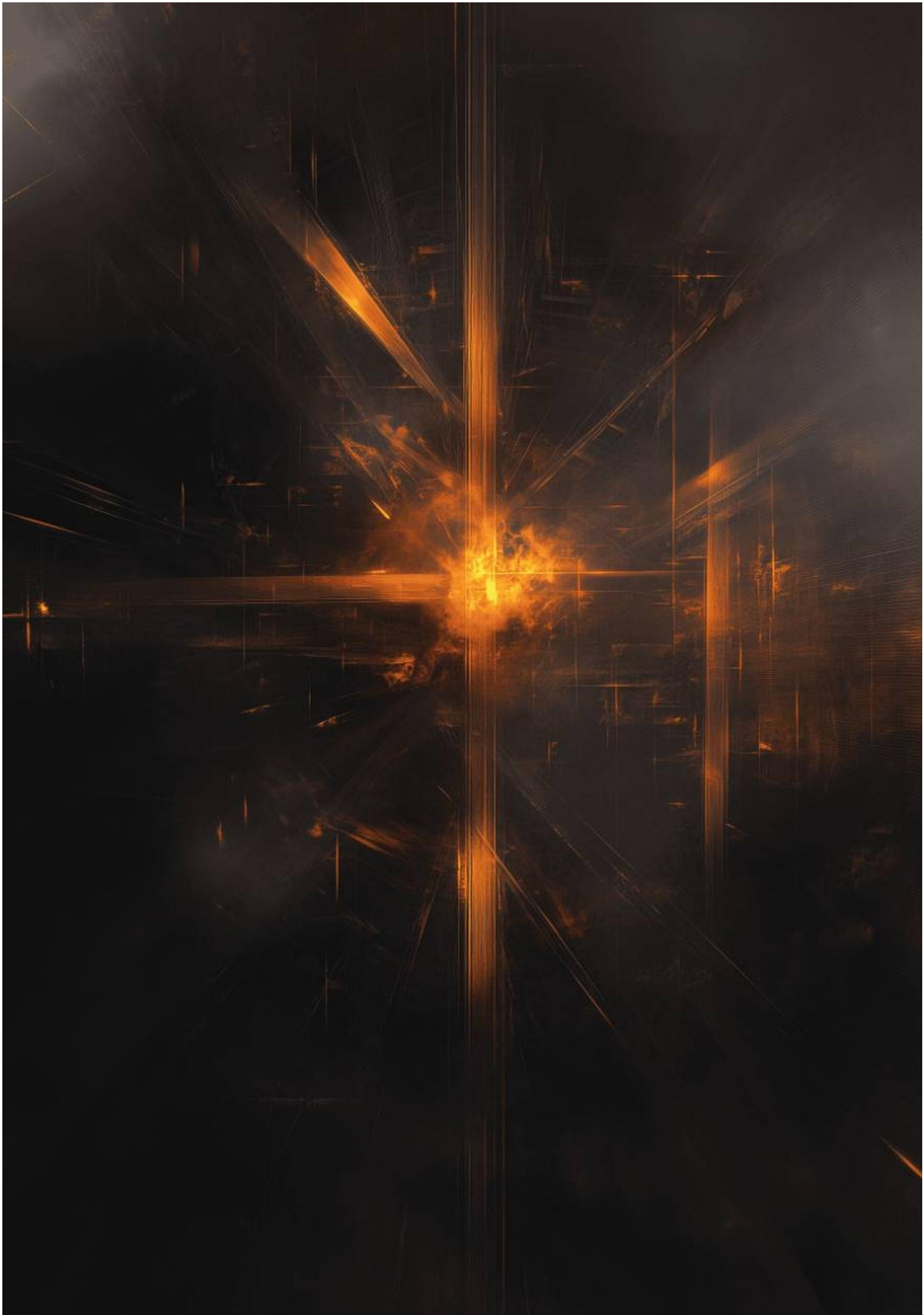

Стефания Рудная

Слово держит гору

«Автор»
2026

Рудная С.

Слово держит гору / С. Рудная — «Автор», 2026

В горной цепи Семь Скреп слово удерживает камень только тогда, когда человек добровольно называет свою ошибку и исправляет её. Переплётчик договоров Мирана Вель обнаруживает: семь книг слабеют, а её давний тайный шов направляет будущий обвал к домам нижней долины.До большого сдвига остаётся девять дней. Брат Мираны хочет продать семейное ремесло рудной артели, которая собирает признания рабочих как плату за смену. Чтобы спасти людей, Миране придётся открыть собственную вину, отказаться от наследственного права на чужие слова и доказать, что гору держит не громкая клятва, а проверенное исправление. Но кто будет отвечать за скрепы, если единственного мастера больше нет?

© Рудная С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Шов расходится 6
Глава 2. Семь книг 13
Глава 3. Ошибка крепче клятвы 25
Глава 4. Цена семейного имени 35
Глава 5. Нижняя долина 43
Глава 6. Признание за смену 56
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Стефания Рудная
Слово держит гору

От автора

Ошибку легко представить трещиной: однажды она появилась, потом её замазали, и снаружи всё снова выглядит целым. Гораздо труднее помнить, что трещина меняет нагрузку вокруг себя. Камень давит на соседний камень, недосказанное решение становится чужой обязанностью, а спасённая репутация однажды оборачивается риском для людей, которые не участвовали в выборе.

Эта история происходит в горах, где человеческое слово буквально удерживает склоны. Но она не о силе признания самого по себе. Фраза «я был неправ» ничего не чинит, если после неё другой человек по-прежнему стоит под обвалом. Поэтому герои будут называть не только вину, но и последствия, свидетелей и работу, которую ещё предстоит сделать.

В книге нет безошибочных мастеров. Есть ремесло, которым кормят семью, страх потерять уважение и соблазн передать тяжёлое решение тому, кто слабее спорит. Есть также возможность разрезать старый переплёт, если именно он не даёт книге раскрыться на нужной странице.

Читайте эту историю как дорогу через перевал: смотрите не только на вершину, но и на то, кто укреплял ступени, кто жил под склоном и кому достанется камень, если обещание не выдержит.

Глава 1. Шов расходится

Дорожная книга пришла в мастерскую под мышкой у мальчишки со станции, мокрая снизу и сердитая на вид. Когда он положил её на приёмный стол, из переплёта посыпался песок, а вслед за песком выпала узкая костяная застёжка.

— Она сама, — сказал мальчишка.

Мирана Вель подняла застёжку двумя пальцами.

— Сама дошла от станции, сама искупалась в канаве и сама выдрала себе ремешок?

— До канавы я её донёс.

— Уже облегчение. Значит, ноги у книг пока не выросли.

Мальчишка посмотрел на дверь, будто прикидывал, успеет ли сбежать до того, как ему назовут цену. Дверь стояла открытой. За ней по улице катился обычный утренний гул: стучали тележные колёса, торговка спорила из-за кислого сыра, на верхней лестнице звонил молоток кровельщика. Над крышами висел голый серый склон Четвёртого карниза. После ночного дождя камень потемнел, и красные сигнальные флаги на тропе казались свежими порезами.

Мирана не любила чинить дорожные книги в такую погоду. Они впитывали сырость вместе с торопливыми обещаниями путников, а потом норовили раскрыться на самом неудобном месте. Но станционная книга была не простой ведомостью. На её страницах проводники записывали, кто и когда вышел на тропу, сколько вёл животных, какие грузы нёс и что обязался сделать, если повредит ступени или ограждение. Такие записи не удерживали гору целиком. Они удерживали малые вещи: закладной камень, железную скобу, настил над промоиной. Малые вещи спасали ноги чаще великих клятв.

— Кто уронил? — спросила она.

— Писарь Гольда поставил на край. Телега толкнула стол. Я подхватил, только поздно.

— Вот теперь книга перестала быть виноватой.

Мальчишка покраснел.

— Я не говорил, что она виновата.

— Ты сказал, что она сама.

Мирана развернула книгу корешком к свету. Кожа разбухла у нижнего уголка, но доски не повело. Первый ремешок вырвало из паза, второй держался на нескольких волокнах. Хуже было с шитьём. Под кожей проходили три нити: льняная связывала тетради, медная помнила станционную печать, золотая принимала вес записанного слова. Золото не должно было быть видно. Теперь оно выглядывало из щели тонким тусклым волоском.

Она провела ногтем вдоль корешка. Волосок дрогнул.

— Когда книга упала?

— На рассвете.

— Кто после этого открывал её?

— Гольда. Потом смотритель с Четвёртого. Он ругался, потому что вчерашний проход не занесли в копию.

— Имя смотрителя?

— Лем.

Мирана знала Лема: плечи шире двери, терпение уже игольного ушка. Если он ругался на пропавшую запись, значит, не заметил главного. Золотая нить не лопалась от воды или падения со стола. Она могла потускнеть, если обещание исполнили не полностью, могла натянуться, если на тропу выводили лишний груз, могла прожечь бумагу, когда писарь подменял имя. Но рвалась она только там, где тяжесть переставала совпадать со словами.

Мирана сняла с пояса ключ и открыла нижний ящик приёмного стола.

— Пойдёшь назад без книги.

— Гольда велела ждать.

— Тогда жди на лавке и не дыши мне в затылок.

— Я могу не дышать тихо.

— Прекрасный станционный талант.

Мальчишка сел у стены, прижал ладони к коленям и сразу начал дышать так старательно, что стало слышно каждое сопение.

В мастерской ещё не развели жаровню. Пахло ночной сыростью, кожей и клейстером, который Овса с вечера оставила под крышкой. На длинной стене висели ножи — от тяжёлого резака до тонкого скобеля для краёв. Под окном стоял швейный станок, сделанный отцом Мираны: две тёмные стойки, поперечина и винты с отполированными головками. Отец говорил, что хороший станок должен быть скучнее мастера. Он держит, пока мастер думает.

Мирана положила дорожную книгу между досками и медленно затянула винты. Потом вынула из ящика зеркало на ручке, иглу с тупым концом и маленькую чашку каменной пыли. Пыль брали у каждой из семи скреп отдельно. Для станционной книги годилась серая, с Четвёртого карниза. Она пахла железом даже сухая.

Первым делом следовало назвать повреждение. Не виновника, не причину, а то, что можно увидеть руками.

— Нижний ремешок вырван из передней доски, — произнесла Мирана. — Кожа намокла на ширину ладони. Вторая и третья тетради сдвинуты вниз. Золотая нить открыта между четвёртой и пятой тетрадью.

Нить посветлела. Совсем немного, как игла на солнце.

Мальчишка перестал сопеть.

— Это она вас слушает?

— Книга слушает того, кто говорит о ней точно.

— А если похвалить?

— Тогда она поймёт, что ты хочешь получить скидку.

Он задумался всерьёз. Мирана спрятала улыбку и поддела тупой иглой край кожи. Под ним обнаружился ровный разрез. Не рваный след от падения, а работа ножа. Кто-то уже вскрывал корешок, добирался до нити и приклеил кожу обратно на жидкий крахмал. Станционные писари пользовались таким, когда латали обложки сами. Переплёт он держал до первого дождя.

— Гольда умеет работать ножом?

— Хлеб режет криво.

— А Лем?

— Он всё рубит топориком. Даже сыр.

Это тоже походило на правду. Мирана наклонила зеркало. На внутренней стороне кожи блеснул отпечаток печати — не круглая станционная розетка, а короткая черта с тремя зубцами. Семейная метка Велей. Ею отмечали скрытый шов, если ремонт касался договорной нити. Метка была старая: в углублениях застряла коричневая пыль, какой не осталось после обвала северной кладовой шесть лет назад.

Мирана почувствовала, как холод от окна добрался до пальцев.

— Что там? — спросил мальчишка.

— Старый ремонт.

— Ваш?

— Пока я сказала только «старый».

Она повернула зеркало ещё на волос. Три зубца были разной длины. Отец ставил одинаковые. Овса делала средний короче, чтобы не путать семейную работу. Тален ненавидел мелкие печати и давил так сильно, что вокруг оставался квадратный след оправы. У Мираны третий зубец всегда уходил чуть в сторону. Она вырезала свою первую печатку в пятнадцать лет и так и не исправила кривизну: привыкла находить её на ощупь.

Третий зубец уходил в сторону.

Она убрала зеркало, словно оно могло показать её лицо мальчишке.

Семь лет назад станционную книгу приносили после большого схода воды. Тогда Мирана меняла в ней две тетради по копиям, потому что нижние края сгнили. Работа была спешной: три дня без сна, очередь из ведомостей до двери, отец лежал с разбитым плечом. Она помнила мокрую бумагу, ругань проводников и собственную гордость оттого, что мастерская держится на ней. Но вскрытый золотой шов не помнила.

Или не хотела помнить.

— Сходи за Гольдой, — сказала она.

— Вы же велели ждать.

— Теперь велю идти. Скажи: станционную книгу вскрывали до падения, нужен писарь и смотритель. Ничего не добавляй.

Мальчишка вскочил.

— А если спросят, кто вскрывал?

— Скажи, что мастер пока этого не называла.

— А я могу сказать, что это не я?

— Можешь, если тебя спросят. Если начнёшь оправдываться без вопроса, Гольда решит, что именно ты и вскрывал.

Он выбежал, уже на пороге перепрыгнув через корзину с обрезками. Мирана закрыла дверь. Уличный гул сразу отдалился, зато громче стало другое: сухое потрескивание внутри переплёта.

Золотая нить медленно выползала из щели.

Мирана подставила ладонь, не касаясь её. Нить легла над кожей дугой и натянулась в сторону окна. Не к станции, откуда принесли книгу, а вверх — к Четвёртому карнизу. На её поверхности проступили тёмные точки. Они складывались в короткие промежутки, повторяя шов: три обычных стежка, один длинный, пропуск.

Так она шила приложения к большим книгам, когда требовалось оставить место для дополнительной страницы.

В дверь постучали один раз, после чего Тален вошёл, не дожидаясь ответа. Он принёс с улицы запах мокрой шерсти и угольной пыли. Под мышкой у него лежала счётная дощечка, за поясом торчали два письма.

— У нас опять нет денег, — объявил он вместо приветствия.

— Доброе утро.

— Оно было бы добрым, если бы кожевник принимал добрые пожелания вместо монет.

Тален подошёл к столу, увидел открытую книгу и сразу убрал дощечку подальше от пыли. В мастерской он мог сколько угодно ругать ремесло, но ни разу не поставил кружку на лист и не взял иглу грязными руками.

— Станционная?

— Да.

— Срочная работа — двойная цена.

— Старый договорный шов — никакой цены, пока не узнаем, почему он разошёлся.

— Тогда тройная после того, как узнаем.

Мирана указала на нить. Тален перестал шутить. Он положил письма и наклонился, не пересекая тень от станка. Этому их учили раньше чтения: если договорная нить вышла наружу, не становись между ней и местом, куда она тянется.

— Чья метка?

— Моя.

Слово далось легче, чем она ожидала. Нить на миг стала золотой, но тут же потускнела снова. Назвать руку было мало. Она ещё не назвала, что рука сделала.

Тален посмотрел на неё, затем на корешок.

— Ты чинила её после водосхода.

— Меняла тетради.

— Значит, видела повреждение.

— Не помню.

— Не помнишь или не записала?

Это был скверный вопрос именно потому, что Тален умел считать. Для него отсутствие строки всегда означало чей-то выбор, даже когда остальные называли его забывчивостью.

Мирана отвела нить иглой. Та упорно тянулась к окну.

— Сначала посмотрю место.

— Сначала закончи станционную книгу. За срочность нам заплатят сегодня.

— Если нить ведёт к карнизу, книга больше не станционная. Она стала свидетелем повреждения скрепы.

— Свидетелям тоже меняют ремешки.

Снаружи ударил колокол.

Не храмовый — на площади не было храма — и не часовой. Один тяжёлый удар пришёл сверху, от сторожевой будки на Четвёртом. Затем второй. После третьего улица замолчала.

Тален первым оказался у окна. Мирана уже знала, что увидит, ещё до того, как протолкнула раму. Красные флаги на верхней тропе опустили поперёк прохода. Люди выбегали из лавок и смотрели на склон. Кровельщик застыл на лестнице с молотком в руке.

Камень отделился почти без звука. Сначала над карнизом шевельнулась тёмная точка, потом покатилась вниз, ударилась о выступ и подпрыгнула. Теперь её услышали все. Грохот не был похож на гром: в нём слышались отдельные удары, каждый ближе предыдущего. Камень расколол ограду верхней дороги, пересёк пустую тележную площадку и врезался в водосборный жёлоб. Брызнули щепки, вода и серый песок.

Люди отшатнулись, хотя до площади оставалось ещё две улицы.

Осколок величиной с кулак доскакал до мастерской и лёг посреди мостовой.

Колокол ударил четвёртый раз — конец тревоги. Один камень. Пока один.

Мирана обернулась. Золотая нить натянулась так сильно, что приподняла дорожную книгу в станке. Между четвёртой и пятой тетрадью бумага темнела, будто по ней провели мокрым пальцем.

— Теперь тройная цена? — спросила она.

Тален не ответил. Он уже снимал со стены короткий плащ.

— Я схожу к смотрителю.

— Ты останешься здесь.

— Почему?

— Потому что Гольда придёт за книгой, а станок нельзя бросать открытым.

— Ты боишься, что я найду на карнизе твой старый шов раньше тебя?

Мирана затянула пряжку сумки с инструментами.

— Я боюсь, что ты увидишь упавший камень и начнёшь продавать его как строительный материал.

— Если он уже наш, это разумно.

— Он пробил городской жёлоб.

— Значит, город должен нам за хранение.

Вот за это она иногда любила брата: он умел поставить шутку на край дурной новости и не дать новости сразу раздавить всех в комнате. Но сейчас за шуткой стояла настоящая счётная дощечка, кожевник без оплаты и два письма, которые Тален не выпускал из виду. Мастерская жила хуже, чем он сообщал вслух.

Мирана положила дорожную книгу в деревянный футляр, оставив нити свободный выход через паз. Футляр привязала к ремню. Золотая дуга потянулась перед ней, указывая вверх.

— Если придёт Овса, скажи, что я на Четвёртом.

— Она скажет, что ты пошла без завтрака.

— Поэтому я и велю сказать тебе.

На улице люди уже окружили осколок. Кто-то принёс лом, кто-то — носилки, словно камень требовалось лечить. Мирана обошла толпу. От склона тянуло мокрым холодом. В водосборном жёлобе торчала расколотая балка, вода лилась на дорогу и уносила щепки вниз, к нижней долине.

У первой лестницы её остановил городской сторож.

— Проход закрыт.

Мирана показала футляр.

— Договорная нить ведёт к месту схода.

Сторож отступил быстрее, чем если бы она показала оружие.

Лестницы Семерых Скреп никогда не строили прямыми. Они поднимались вдоль домов, ныряли под арки, цеплялись за скалу железными ступенями и снова выходили на площадки. Мирана знала каждый поворот, но сегодня дорога казалась чужой. На третьем пролёте золотая нить дрогнула и прижалась к камню. На четвёртом вытянулась вдоль старого водосброса. Чем выше она поднималась, тем чаще попадались свежие крупинки породы. Они хрустели под сапогами.

На площадке перед карнизом стоял Лем. Топорик для сыра, о котором говорил мальчишка, висел у него на поясе рядом с настоящим молотком. Смотритель был серым от пыли до бровей. За его спиной двое рабочих ставили подпорку под расколотую ограду.

— Книгу принесли? — спросил он.

— Принесли. Кто был на тропе во время схода?

— Никого. Первый обход ещё не вышел.

— Что упало?

— Крайний зуб над старым швом. Размером с тележный кузов. Половина осталась в желобе, половина ушла вниз.

Мирана посмотрела туда, где ограда разошлась. За ней склон падал к городу, и крыши лежали одна под другой, как тёмная чешуя. Ещё ниже зеленела долина. Отсюда дома казались белыми камешками у реки.

Лем провёл её за сигнальную верёвку. Трещина начиналась у основания скального зуба и шла поперёк карниза. В неё входило лезвие ножа. По краям виднелись светлые свежие сколы, но середина почернела от времени.

— Она была здесь вчера? — спросила Мирана.

— Волосок был. Такие есть везде.

— Везде не значит безопасно.

— Если бы я останавливал дорогу из-за каждого волоска, люди носили бы руду на спинах через соседний перевал.

Он сказал это без оправдания, как человек, который повторял довод много лет. Мирана присела и раскрыла футляр. Золотая нить выскользнула наружу, легла на камень и побежала к трещине. Там она не остановилась, а повернула вдоль неё, к плоской нише под оградой.

В нише хранилась малая книга карниза. Точнее, должна была храниться. Дверца каменного ящика была заперта, сургучная печать цела.

— Ключ, — сказала Мирана.

Лем снял связку с шеи.

— Вчера открывал при обходе. Всё было сухо.

— Запись о волоске сделал?

— Сделал.

— Назвал, где начинается?

— У крайнего зуба.

— Это место длиной в двенадцать шагов.

— Я не переплётчик.

— Поэтому у тебя есть слова «у третьей скобы ограды».

Лем сжал челюсть, но не стал спорить. Он умел сердиться на работу, не превращая спор в борьбу за достоинство. Мирана ценила это качество, особенно сейчас, когда собственное достоинство мешало ей дышать.

Печать на дверце не была сломана. Значит, книга могла показать, что происходило с камнем до схода. Мирана открыла ящик и вынула узкий том в серой коже. На обложке стояла цифра четыре и знак карниза — ступень с точкой под ней.

Золотая нить дорожной книги коснулась его корешка.

Оба тома щёлкнули одновременно.

Малая книга раскрылась не на вчерашней записи. Страницы сами перелистнулись назад, шурша всё быстрее, пока не остановились примерно в середине. Там лист был короче остальных на ширину ногтя. Его пришили к бумажному выступу — остаткам страницы, которую когда-то срезали у корешка.

Лем присвистнул.

— Это допускается?

— При замене повреждённого листа.

— Кто менял?

Мирана не ответила. Ей не требовалась печать, чтобы узнать работу. Три обычных стежка, один длинный, пропуск. На длинном стежке золотая нить потемнела. Точно такой же рисунок выступил на станционной книге.

Она поднесла страницу к свету. Запись сообщала, что после водосхода путь мелкой осыпи отведён к южному лотку, а нагрузка на крайний зуб уменьшена. Под строкой стояли подписи отца и двух прежних смотрителей. Почерк был отцовский, чернила — мастерской. Только лист был не тот, на котором они подписывались. Подписи перенесли вместе с нижней полосой бумаги: Мирана видела тончайший поперечный стык.

Память вернулась не картиной, а ощущением. Липкий клей на большом пальце. Дождь по ставням. Отец спит за перегородкой после лекарства. Старая страница разлезается от воды, но нижняя полоса с подписями остаётся целой. Мирана переписывает текст с копии, приклеивает подписи и замечает, что в копии не указан нижний отвод. Думает спросить утром. Потом приходит новый заказ, отец встаёт, никто не спрашивает. Она шьёт приложение и ставит метку.

Не злой умысел. Не тайный сговор. Одна строка, оставленная на потом.

Семь лет — достаточно долго, чтобы «потом» стало частью горы.

— Здесь должен быть ещё лист, — сказала она.

— Какой?

— Приложение с направлением осыпи. Полная запись не помещалась на этой странице.

— Его нет.

— Я вижу.

Лем опустился рядом. Его широкая ладонь легла на камень у книги, но не коснулась бумаги.

— Если приложения нет, куда идёт осыпь?

Мирана посмотрела через ограду. Южный лоток начинался у карниза и раздваивался ниже. Старое русло уходило к пустой каменной чаше. Новое, прорытое после водосхода, изгибалось к лесу, а затем к реке. Между лесом и рекой за семь лет выросла нижняя долина.

— Пока не проверю на месте, не скажу.

— Сегодня уже упал камень.

— Поэтому и не скажу наугад.

Нить между книгами натянулась, и из трещины посыпалась пыль. Рабочие у ограды замерли.

Мирана положила палец рядом со своим старым стежком. Можно было назвать очевидное: страницу меняла она. Это уже дало короткую вспышку в мастерской. Но гора требовала не имени руки. Она требовала точного размера ошибки, а Мирана его ещё не знала.

— Я сшила этот лист, — сказала она. — Семь лет назад, после водосхода. В книге не хватает приложения, которое должно было быть рядом. До полудня я найду мастерскую копию и пройду южный лоток.

Золотая нить вспыхнула вдоль двух корешков. На миг трещина перестала сыпать пылью. Один из рабочих выдохнул.

Но стежок не затянулся.

Он разошёлся ещё на толщину иглы.

Мирана закрыла малую книгу и увидела на нижнем краю листа бурое пятно. Не вода и не старый клей. Каменная пыль с северной кладовой, смешанная с маслом для швейного станка. Такая же застряла в её печати на дорожной книге. Обе книги лежали рядом в ту ночь. Обе касались пропавшего приложения.

След вёл не только к её руке. Он вёл в семейный архив.

Снизу снова ударил колокол — теперь коротко, созывая смотрителей.

Лем поднялся.

— Девять дней назад крайний зуб был цел.

— Почему ты говоришь именно о девяти днях?

— Потому что тогда приходил Кремень. Сказал, что следующий большой сдвиг будет через девять дней после первого упавшего камня.

Мирана посмотрела на свежую трещину.

— И ты решил рассказать это после первого камня?

— Он приходит каждую осень и предсказывает половину горы. Обычно гора не слушает.

— Сегодня послушала.

Она убрала обе книги в футляры. Дорожную предстояло вернуть станции, малую — отнести к общему столу смотрителей. А между ними тянулась одна золотая нить с рисунком её старого шва.

Внизу, за крышами, блеснула река. У воды белели дома нижней долины.

Мирана впервые увидела их не как вид с карниза, а как людей под строкой, которую она не переписала.

Глава 2. Семь книг

Когда Мирана вернулась с Четвёртого карниза, мастерская была полна людей и молчала так, будто в ней лежал покойник.

На полу вдоль стены стояли шесть дорожных футляров. Седьмой занимал приёмный стол, оттеснив счётную дощечку, кувшин с водой и Талена. Брат сидел на табурете у окна, держал локти на коленях и смотрел на футляры с тем выражением, с каким обычно изучал неоплаченный счёт. Овса поставила на печь большой чайник. Янка, забравшись на стремянку, рассматривала комнату сверху и прижимала к груди мешок с чистыми тряпицами.

Смотрители семи скреп явились каждый со своей книгой.

Мирана остановилась на пороге. За спиной у неё висел футляр малой книги Четвёртого карниза, рядом — станционная книга, стянутая временным ремнём. Подол плаща был серым от пыли. Пыль забилась даже под ногти, хотя к бумаге она прикасалась только чистыми пальцами.

— Почему они здесь? — спросила она.

— Потому что в городе семь скреп, — сказал Тален. — И каждой внезапно понадобилась одна переплётчица.

— Я вижу число. Почему книги сняли с мест одновременно?

— Не одновременно, — отозвалась женщина у печи. Мирана узнала Дору, смотрительницу Первой скрепы. — Мою я вынула ещё до тревоги. Просто не успела спуститься.

У Доры было обветренное лицо, коротко остриженные волосы и ремень с медными ключами через плечо. Она держала руки так, словно всё ещё несла футляр и не доверяла столу его вес.

— Причина?

— Страница стала тяжелее.

— Насколько?

— Вчера её поднимала сквозняком. Сегодня лист тянет вниз, как мокрый войлок.

— Сырость?

— В хранилище сухо. Я приложила к стене соль, как учили. Соль не слиплась.

— Хорошо. То есть плохо, но сказано хорошо.

Дора кивнула, не улыбнувшись. В тесной комнате никто не хотел первым смеяться. Люди стояли слишком близко к вещам, которые привыкли считать неподвижными: горе, договорам и семейной мастерской.

Мирана сняла плащ. Янка соскочила со стремянки, приняла его и тихо спросила:

— Камень правда был размером с телегу?

— До падения — да. После падения стал многими камнями размером поменьше.

— А книга?

— В ней нет листа.

Девочка прикусила губу. Ей было шестнадцать, и она уже понимала, что отсутствие листа в договорной книге страшнее дырки в крыше. Крышу можно закрыть доской. Пропущенная строка продолжала действовать, даже когда о ней забывали.

— Возьми чистые подставки, — сказала Мирана. — Семь штук. И поставь у окна лампу с белым стеклом.

— Днём?

— Дневной свет показывает цвет чернил. Лампа — тень от продавленных строк.

Янка побежала в заднюю комнату. Овса сняла чайник до того, как вода закипела, и принялась освобождать второй стол.

— Вы все пришли пешком через город? — спросила Мирана у смотрителей.

— После колокола лестницы закрыли, — сказал Лем. Он вошёл следом за ней и прислонился к двери, перекрыв половину света. — Нижние книги уже несли сюда. Я отправил гонцов к верхним.

— Кто решил собрать все семь?

— Они сами, — ответила Дора.

Тален поднял глаза.

— Вот эту часть они берегли для тебя.

Дора подошла к футляру Первой скрепы, но не открыла его.

— Когда ударил тревожный колокол, моя книга захлопнулась. Я подумала, от толчка. Потом она повернулась корешком к двери.

— Книги не поворачиваются сами, — сказала Мирана.

— Я тоже так сказала. Поэтому взяла её обеими руками и поставила обратно. Она снова повернулась.

— К городу?

— К вашей мастерской.

По комнате прошёл шорох одежды. Смотрители переминались не потому, что устали. Каждый уже пережил нечто похожее и до сих пор надеялся, что его случай окажется единственным.

— Вторая выдавила сургуч из печати, — сообщил худой мужчина с перевязанной кистью. — Не сломала. Сургуч стал мягким и вытек на пол стрелкой.

— Куда?

— Вниз по лестнице.

— Третья звонила скобами, — сказала пожилая смотрительница в зелёном платке. — Три раза. Ровно когда упал камень.

— Пятая пахнет рудничным дымом, хотя её хранилище над лесом, — добавил молодой смотритель с красным шарфом.

— Шестая выпустила нить через застёжку.

— Седьмая перестала принимать запись, — закончил последний, широколицый мужчина в кожаном фартуке. — Чернила собираются каплями. Ни одно слово не остаётся.

Мирана слушала и чувствовала, как прежний порядок комнаты отступает. Ещё утром у каждого инструмента было место, у каждой работы — цена и срок. Теперь семь книг принесли семь разных бед, а станок у неё был один.

— Никто больше их не открывает, — сказала она. — Не кладёт сверху вещи. Не объясняет книге, что она ошиблась. Тален, запиши имя каждого смотрителя, время, когда заметили изменение, и кто был рядом.

— У меня есть более важное занятие.

— Какое?

— Искать деньги на семь срочных работ.

— Если гора ляжет на город, кожевник подождёт.

— Кожевник живёт на соседнем склоне. Он как раз не подождёт: придёт за долгом до обвала.

Овса поставила перед ним чернильницу.

— Пиши, Тален.

Он посмотрел на мать, вздохнул и придвинул дощечку. Овса редко повышала голос. Ей не требовалось.

Мирана велела разнести книги по подставкам в порядке скреп. Четвёртая заняла середину. Семь томов не были похожи друг на друга. Первая книга, обтянутая тёмным козьим сафьяном, была широкой и низкой: её первые записи делали каменотёсы, привыкшие класть ладонь на страницу целиком. Вторая имела железные уголки. На Третьей сохранились дере-

вянные крышки из старой можжевеловой доски. Четвёртая выглядела скромнее всех — серая кожа, простой знак ступени. Пятая почернела у обреза. Шестую стягивали две костяные застёжки. Седьмая была почти квадратной и такой толстой, что её приходилось открывать вдвоём.

Эти книги не составляли один договор. Семь Скреп не были семью замками на одной двери. Каждая удерживала свой способ жизни с горой. Первая запрещала вынимать подпорный камень без замены. Вторая следила за водой, которую отводили от трещин. Третья связывала лестницы и мосты с руками тех, кто их чинил. Четвёртая принимала дороги, лотки и пути осыпи. Пятая знала рудные пустоты. Шестая — лесные корни на склонах. Седьмая хранила общее право жителей оставаться под хребтом, пока они исполняют шесть частных договоров.

Обычно Мирана осматривала одну большую книгу раз в месяц. Смотритель приносил копии записей, она проверяла нити, выравнивала тетради, меняла защитные полосы. Сами книги оставались в каменных ящиках. Собрать их под одной деревянной крышей означало оставить все скрепы без голоса сразу.

— Кто сейчас на местах? — спросила она.

— Помощники, — ответил Лем.

— У каждого есть малая книга?

Смотрители переглянулись.

— У Первой есть, — сказала Дора.

— У Третьей тоже.

— Пятая малая на переписи у артели, — произнёс молодой смотритель.

Мирана подняла голову.

— С каких пор договорная книга бывает на переписи у артели?

— Это журнал выработки, не сама книга.

— Ты только что назвал её малой.

— Мы записываем туда выемку породы. «Красный клин» сверяет вес.

— Где она сейчас?

— В счётном доме у нижней штольни.

Тален перестал писать. Всего на миг, но Мирана заметила.

— Вернуть до темноты, — сказала она.

— Артель не отдаст до конца смены.

— Тогда смена закончится раньше.

— Ты пойдёшь останавливать рудник?

— Нет. Пойдёшь ты, Веран. Это твоя книга и твоя ошибка — если ты отдал её людям, которым она не принадлежит.

Молодой смотритель вспыхнул.

— Я не говорил, что ошибся.

На корешке Пятой книги что-то сухо щёлкнуло.

Все повернулись к ней.

Из верхнего уголка вышла чёрная капля. Она была похожа на смолу, но пахла горелой шерстью. Капля поползла по коже вниз, оставляя за собой тонкий след.

Мирана подставила костяную пластинку. Капля упала и растеклась в подобие зубчатого клина.

— Не вынуждай книгу соглашаться с тобой, — тихо сказала она. — Скажи только то, что знаешь точно.

Веран смотрел на пятно. Красный шарф на его шее словно стал теснее.

— Я вынес малую книгу из хранилища, хотя должен был дать артели заверенную выписку. Так быстрее сверять возы.

Чёрный след на корешке перестал расти, но не исчез.

— Кто предложил?

— Счётчик Брана.

— Кто согласился?

— Я.

Нить под кожей Пятой книги коротко засветилась медным. Веран выдохнул.

— Теперь исправь, — сказала Мирана. — Верни книгу. Принеси сюда вместе с журналом выработки и печатью того, кто её принимал.

— До темноты, — повторил он и направился к двери.

— Веран.

Он обернулся.

— Не обещай того, чего не можешь сделать. Если артель не отдаст, вернись и назови отказ. Не вырывай книгу силой и не подписывай ничего за других.

— Понял.

После его ухода в комнате стало просторнее лишь на одно тело, но дышать оказалось легче. Мирана не знала, укрепило ли признание Пятую скрепу. Для этого требовалось вернуть книгу. Однако гора услышала точные слова и перестала подталкивать ложь наружу.

— И с каждой будет так? — спросил широколицый смотритель Седьмой.

— Не знаю.

— Ты мастер.

— Поэтому говорю «не знаю», когда не знаю.

Золотая нить Четвёртой книги дрогнула. Мирана почувствовала это ладонью через стол. Слова легли ровно. От признанного незнания силы не прибавилось, но и трещины не стало. Гора не награждала за скромность. Она только не терпела подмены.

Осмотр начали с Первой. Дора подняла обложку двумя руками. Первый лист действительно тянул вниз. Мирана подсунула под него весовую лопаточку, которой проверяла плотность бумаги. Стрелка качнулась до трёх мер — столько весила целая тетрадь из восьми листов.

— Что записано на странице? — спросила Янка, склонив лампу.

— Замена подпорного камня у северного зуба, — прочла Дора. — Старый вынули после трещины, новый поставили два каменщика. Всё проверено.

— Кем?

— Мной.

Мирана провела по полю мягкой кистью. Бумага была сухой. Чернила не расплылись. Под лампой, однако, проступил вдавленный прямоугольник, будто между страницами долго лежала плоская тяжесть.

— Здесь был вкладыш.

Дора нахмурилась.

— Никаких вкладышей.

— Тогда что оставило след?

Смотрительница молча сняла ключи и перебрала их. Между двумя медными кольцами обнаружилась тонкая свинцовая бирка.

— Образец, — сказала она. — От нового камня. Я положила его на страницу, пока записывала размеры.

— И вынула?

— Да.

— Куда отнесли старый камень?

Дора ответила не сразу.

— Его раскололи для ступеней у склада.

Первый лист опустился ещё ниже. Подставка скрипнула.

— В договоре что сказано о старой подпорке?

— Не вынимать без замены.

— Только это?

Дора перелистнула к ранним статьям. Текст был выцветшим, но читаемым: вынутый камень следовало хранить до первого зимнего обхода, чтобы новая подпорка пережила воду, мороз и оттепель. Потом старый разрешалось использовать.

— Мы поставили новый весной, — сказала Дора. — Зимы ещё не было.

— Значит, тяжелеет не бумага. Страница несёт камень, которого больше нет.

Дора закрыла глаза, сосчитала до двух и произнесла:

— Я разрешила разбить старую подпорку до зимнего обхода. Решила, что новый камень лучше и хранить старый незачем. Я найду ступени, сниму их и сложу куски у северного зуба до проверки новой подпорки.

Лист приподнялся на ширину ногтя. Не стал лёгким, но перестал давить на лопаточку всей тяжестью.

— Найдёшь не одна, — сказала Мирана. — Возьми каменщиков, которые делали ступени. Они должны знать, зачем их разбирают, но признание за тебя не повторяют.

Дора кивнула.

— Можно унести книгу?

— Пока нет. Оставь помощнику точное поручение через гонца. И напиши его сама.

Тален подвинул ей бумагу. Его записи уже заняли две страницы. Он не спорил и не считал цену. Мирана заметила это с тревогой: брат становился покладистым только тогда, когда уже придумал другой выход.

Вторая книга не желала держать печать. Железный уголок был холодным, кожа — сухой, но красный сургуч на застёжке размягчался от прикосновения. Худой смотритель с перевязанной рукой назвался Севром. Он уверял, что хранилище не нагревалось и никто не ломал замок.

— Почему рука перевязана? — спросила Мирана.

— Поскользнулся у водосборной решётки.

— Сегодня?

— Вчера вечером.

— Решётка цела?

— Да.

— Вода шла?

— Как обычно.

На слове «обычно» сургуч потёк между пальцами Мираны. Она отняла руку.

— Сколько воды?

— Я не мерил.

— Почему был у решётки вечером?

Севр посмотрел на остальных. Договоры не любили толпу, когда точный ответ делал человека смешным или виноватым. Люди любили толпу ещё меньше.

— Я закрывал боковой сток, — сказал он. — На ночь.

— Его закрывают только при чистке канала.

— Мельнику не хватало напора. Он попросил на одну ночь направить воду к колесу.

— И ты согласился.

— Вода всё равно ушла бы утром.

— Ушла?

Севр поднял перевязанную кисть.

— Затвор закусило. Я пытался открыть, сорвался. Помощник должен был исправить на рассвете.

— Должен был или исправил?

— Я ушёл за книгой после колокола. Не проверил.

Мирана приказала послать гонца ко Второй скрепе. Пока Янка писала короткое сообщение, Севр стоял у стола и смотрел, как сургуч стекает на поднос. Он не пытался оправдать мельника и не говорил, что вода никому не повредила. Вероятно, перевязанная рука помогала честности лучше любого наставления.

Третья книга звонила сама. Медные скобы в крышках едва касались друг друга, но при каждом движении пола отзывались тремя чистыми ударами. Пожилую смотрительницу звали Крома. Она утверждала, что лестницы целы. Мирана проверила записи за неделю и нашла три ремонта, принятые одним и тем же помощником.

— Почему нет подписей рабочих?

— Они неграмотные.

— Для метки не нужна грамота.

— Помощник поставил общую печать.

— За три разные работы?

Крома нахмурилась.

— Так удобнее.

Скобы ударили три раза.

— Горе удобно считать один раз, — сказала Мирана. — Но лестницы ломаются по одной.

Она разложила записи. На первой меняли железную ступень над рынком. На второй подтягивали канатный мост. На третьей подбивали деревянный пролёт у школы. Общая печать превращала три работы в одно безымянное обещание. Если что-то было сделано плохо, книга не знала, чью руку спросить.

Крома не признала ошибку сразу. Она спорила, что помощник видел работы, что люди торопились, что метки пачкают страницу. С каждым доводом звон становился громче. Наконец Овса вынесла чай во двор, потому что чашки дребезжали на полке.

— Я разрешила принимать разные работы общей печатью, — сказала Крома сквозь звон. — Не проверила каждую и не потребовала метки работников. Сегодня соберу всех троих, осмотрю места и запишу отдельно, кто что делал.

Скобы умолкли.

Тишина после них показалась глубокой, как шахта.

Четвёртую Мирана оставила закрытой. Её собственная ошибка уже была названа лишь наполовину, а пропавшее приложение не нашлось. Она чувствовала взгляды смотрителей, но не собиралась устраивать удобное признание ради их спокойствия. До полудня она обещала найти копию и пройти лоток. Полдень приближался. Солнце уже пересекло оконную раму.

— Ты осмотришь свою книгу последней? — спросил Тален.

— Я осмотрела её на карнизе.

— Тогда почему она здесь?

— Потому что нить связала её со станционной и с семейным архивом.

— Архив ты ещё не открывала.

— Открою, когда закончу первичный осмотр.

— Ты обещала до полудня.

— Я умею видеть солнце.

— Оно не принимает отсрочек.

— Как и кожевник, ты уже говорил.

Тален отвернулся. Четвёртая книга тихо зашелестела страницами, хотя окна были закрыты.

Шестая выпустила нить через застёжку. Нить была зелёно-серой, сплетённой из льна и тонких корешков. Обычно она лежала в желобке под кожей. Теперь образовала петлю, в которой застрял сухой можжевеловый лист.

Смотритель Шестой, маленькая женщина по имени Луга, принесла с собой топор. Она положила его у порога, но на рукояти осталась свежая смола.

— Где рубили? — спросила Мирана.

— Выше козьей тропы. Сухостой.

— Можжевельник?

— Ель и кривые сосны.

Мирана показала лист.

Луга взяла его, растёрла пальцами и понюхала.

— В том месте можжевельника нет.

— Теперь есть хотя бы один лист.

— Нить могла подхватить его у хранилища.

— Могла. Где лесорубная ведомость?

Луга достала сложенный лист. Разрешение артели давало право убрать тридцать семь сухих стволов над козьей тропой. Под перечнем стояла метка смотрителя. К карте прилагалась красная линия рубки. Мирана положила карту рядом с книгой. Корневая нить вытянулась к северному краю листа, за пределы красной линии.

— Там что?

— Старая можжевеловая полоса. Она держит щебень.

— Рубили её?

— Я разрешила сухостой.

— Это не ответ.

Луга сжала лист так, что он треснул.

— Я не ходила на делянку после выдачи разрешения. Бригадир сказал, что закончили.

— Значит, ты не знаешь.

— Не знаю.

Петля ослабла, но нить не ушла в корешок. Луга сама увидела разницу между признанным незнанием и исправлением.

— Пойду сейчас.

— Сначала возьми двух людей, которые знают границу. Если можжевельник срублен, пни не вернут корни до девятого дня. Нужны будут подпорные плетни.

— Почему девятого?

Вопрос прозвучал негромко, однако все разговоры прекратились.

Лем оттолкнулся от двери.

— Потому что Каменный знает срок.

— Кремень, — поправила Овса. — Не называй его общим словом в доме с семью книгами.

— Кремень сказал мне весной, — продолжил Лем. — Если с Четвёртого упадёт первый зуб, большой сдвиг придёт через девять дней.

— Весной? — Мирана повернулась к нему. — Ты знал весной?

— Знал о сроке после первого камня. Не знал, что камень упадёт сегодня.

— Почему это не записано в книге?

— Записано в приложении смотрителя.

— В каком приложении?

Лем побледнел под пылью.

— В том, которое должно лежать после заменённого листа.

Четвёртая книга раскрылась сама.

Страницы ударили по столу. Между ними поднялась золотая нить, тонкая и прямая, будто игла указывала в потолок. Потом нить согнулась к старому шкафу за станком.

Семейный архив.

Мирана подошла к шкафу. Ключ висел у неё на шее, под рубахой. Отец отдал его в последний год, когда пальцы перестали слушаться. После его смерти Мирана открывала шкаф для месячных копий, но верхний ящик с прежними приложениями не трогала. Там лежали бумаги, которые следовало разобрать сразу, затем после похорон, затем зимой. Семь лет давали много удобных сроков, если ни один не назывался последним.

Ключ застрял в замке. Мирана нажала плечом. Дерево вздохнуло, створки разошлись. Внутри пахло сухим клеем, железными чернилами и пылью старого дома.

На полках стояли копийные тетради по годам. Верхний ящик был заперт отдельной костяной защёлкой. Мирана отжала её ножом. Ящик выдвинулся на ладонь и упёрся.

— Там что-то мешает, — сказала Янка.

— Вижу.

Мирана просунула пальцы в щель. Бумага внутри встала горбом. Она осторожно прижала листы линейкой и вытянула ящик. Сверху лежала старая опись. Под ней — свёрток из промасленного полотна, перевязанный семейной серой нитью.

Мирана знала узел. Тален завязывал такие на товарных пачках: два оборота, петля вниз, короткий конец под большим пальцем.

Она посмотрела на брата.

— Ты открывал архив?

— Открывал.

Ответ пришёл слишком быстро. Золотая нить не дрогнула.

— Когда?

— Прошлой осенью.

— Зачем?

— Искал старые долговые расписки отца.

— Нашёл?

— Две. Обе бесполезные.

— Что в свёртке?

— Не знаю. Я его не развязывал.

Нить Четвёртой книги осталась ровной. Тален говорил правду или ту часть правды, которую гора считала достаточной для заданных вопросов. Мирана не стала давить дальше при смотрителях. Семейная хитрость отличалась от лжи тем, что оставляла близким работу по поиску нужного вопроса.

Она развязала узел и развернула полотно. Внутри находились листы с водяными разводами, обрезки подписей и тонкая тетрадь в синей обложке. На обложке отец написал: «Четвёртая. После водосхода. Не сшито».

Мирана раскрыла тетрадь.

Первый лист содержал черновой расчёт лотков. Второй — перечень работ. Третий был вырван у самого сгиба.

Остался рваный край и половина слова: «доли…».

— Долина, — сказал Лем за её плечом.

— Может быть «долить», — резко отозвалась Мирана.

— В расчёте осыпи?

— Я сказала: может быть.

Золотая нить качнулась к ней и потускнела. Не треснула, но предупреждение было ясным.

Мирана провела пальцем над рваным краем. Лист вырвали давно. Волокна потемнели одинаково с соседними страницами. На внутренней стороне обложки проступил оттиск письма: отец писал сильно, и нижняя страница принимала следы. Янка поднесла лампу сбоку.

— Тут можно прочесть, — прошептала она.

Вдавленные линии шли вверх ногами. Мирана повернула тетрадь. Несколько слов различались без угля: «южный лоток», «нижняя долина», «не заселять до…».

Дальше след обрывался.

В комнате никто не спросил, кто вырвал страницу. Этот вопрос уже стоял между Мираней и Таленом, между мастерской и семью смотрителями. Но сейчас книги зашевелились одновременно.

Первая тяжело опустила лист. Вторая выпустила новую струйку сургуча. Скобы Третьей ударили. Из Четвёртой вытянулась нить. Пятая пахнула дымом. Шестая затянула корневую петлю. На Седьмой выступили капли чернил и покатились по чистой странице, не оставляя букв.

Пол под ногами качнулся.

Не сильно. С полки упала одна костяная игла и зазвенела о доски. За окном закричали голуби. Где-то наверху коротко ударил колокол, но звонарь остановился после первого удара, не зная, считать ли толчок новой тревогой.

Задняя стена мастерской издала протяжный скрип.

Из каменного шва над печью посыпалась белая пыль. Она не упала на пол. Пылинки зависли в воздухе, собрались в узкую человеческую фигуру и медленно повернули голову.

Кремень был ниже Лема и уже любого взрослого в комнате. Он состоял не из цельного камня, а из тысяч крупинок, которые держали форму, пока он говорил. Лица у него почти не было: два тёмных углубления, плоский выступ вместо носа, щель рта. На плечах лежал серый щебень, будто меховой воротник.

Овса первой поклонилась. Не низко, но уважительно.

— Кремень Семерых Скреп.

— Овса Вель, — ответил он голосом осыпи, которая ползёт далеко за стеной. — Дом всё ещё стоит неровно.

— Мы всё ещё не богаты.

— Богатые дома падают тем же боком.

Тален поднялся с табурета. Смотрители отступили от книг. Мирана осталась у архива, держа синюю тетрадь.

— Ты предупреждал Лема о девяти днях? — спросила она.

Кремень повернулся к ней. Несколько крупинок осыпались с его подбородка и вернулись на место.

— Я говорил хранителю Четвёртой: после первого зуба хребет девять раз увидит рассвет. На девятый день он выберет, куда лечь.

— Почему не пришёл раньше?

— Приходил.

— Ко мне?

— К книге.

Мирана посмотрела на рваный край.

— Это и было приложение?

— Это был ответ людей. Моё слово осталось в камне.

— Нам нужен новый ответ.

— Старый не исполнен.

— Поэтому книги ослабли все сразу?

Кремень протянул руку к столам. Его пальцы рассыпались над семью обложками, не коснувшись их.

— Они не семь отдельно, когда гора движется. Тяжесть идёт от подпорки к воде, от воды к лестнице, от лестницы к дороге, от дороги к пустоте, от пустоты к корню, от корня к дому. Люди разделили книги, чтобы помнить работу. Камень не обязан помнить ваши полки.

— Что произойдёт на девятый день?

— Хребет опустит лишний вес.

— Куда?

Кремень взглянул на синюю тетрадь.

— Туда, куда вы оставили ему путь.

Нижняя долина. Мирана увидела не белые камешки с высоты, а утренний дым над крышами, бельё у реки, детей на мостках. Она сама не жила там и редко спускалась ниже рынка. От этого дома не становились пустыми.

— Можно изменить путь за девять дней?

— Можно исправить работу.

— Каким признанием?

Щель рта Кремня стала шире.

— Вы снова просите слово сделать работу рук.

Мирана почувствовала жар стыда, хотя фигура перед ней была холодной пылью.

— Тогда назови работу.

— Семь книг уже назвали семь мест. Верните камень. Откройте воду. Разделите подписи. Проверьте рубку. Заберите книгу у тех, кому её не давали хранить. Найдите путь Четвёртой. А Седьмой дайте не обещание, а право спросить каждого.

Широколицый смотритель Седьмой наконец шагнул ближе.

— Почему моя книга не принимает чернила?

— Потому что вы пишете «жители исполнили», когда ни один житель не назван.

— Их тысячи.

— Гора тяжелее.

Чернильные капли на Седьмой книге собрались у края листа и упали на поднос.

Мирана сжала синюю тетрадь.

— Девять рассветов, считая сегодняшний?

— Первый камень упал после рассвета. Следующий рассвет будет первым.

— Значит, у нас девять полных дней и остаток этого.

— У вас есть время до девятого заката. Потом время будет у камня.

— Если мы исправим шесть мест, а Четвёртую не успеем?

— Шесть крепких пальцев не удержат чашу, если седьмой разжат.

— А если исправим Четвёртую, но останется другая?

— Ты услышала ответ.

Кремень повернулся к стене. Его плечо уже рассыпалось.

— Постой. Кто вырвал страницу?

Пыль замерла.

— Не камень.

— Ты видел?

— Камень помнит вес поступка. Лицо человека он помнит, только когда тот кладёт на него имя.

— Значит, виновный должен признаться.

— Виновный должен исправить. Имя без руки легче пыли.

Фигура осела. На мгновение над печью висело серое облако, потом крупинки вернулись в шов. Последняя упала на край Седьмой книги и оставила маленькую вмятину на чистом листе.

Никто не заговорил сразу.

За окном город снова набирал голос. Кто-то ругался у сломанного водосбора. По лестнице бежал гонец. Молоток кровельщика ударил один раз, словно человек проверял, позволено ли продолжать обычный день.

Мирана положила синюю тетрадь рядом с Четвёртой книгой.

— Дора отправляет людей разбирать ступени и возвращать старый камень. Север открывает боковой сток и сообщает, сколько воды ушло не туда. Крома собирает трёх работников и принимает каждую работу отдельно. Луга идёт на делянку с двумя знающими границу и готовит плетни. Веран возвращает малую книгу Пятой. Седьмая…

Она посмотрела на широколицего смотрителя.

— Как тебя зовут?

— Стан.

— Стан собирает не общую клятву, а список дворов и выбранных ими проверяющих. Пусть каждый десяток домов назовёт одного человека, который может задать вопрос смотрителям и получить запись. Сегодня достаточно начать с нижней долины.

— Они испугаются.

— Уже пора.

— А ты? — спросил Лем.

Мирана повернула тетрадь к свету. Вдавленные слова «не заселять» были видны яснее, чем минуту назад.

— Я иду по южному лотку.

— Полдень почти прошёл.

— Поэтому иду сейчас.

— Сначала поешь, — сказала Овса.

— Мама.

— Гора подождёт, пока ты проглотишь хлеб. Если не подождёт, голодная ты всё равно не станешь быстрее.

Овса сунула ей свёрток. Мирана не стала спорить: спор с матерью занял бы больше времени, чем еда.

Тален поднял синюю тетрадь, не касаясь рваного края.

— Я пойду с тобой.

— Ты останешься с книгами.

— Семь книг уже дали тебе семь поручений. Архив я знаю лучше Янки.

— Именно поэтому останешься. Составишь опись всего, что открывал прошлой осенью.

На лице брата ничего не изменилось. Только большой палец сильнее прижал край обложки.

— Ты мне не веришь.

— Я знаю, что ты завязывал свёрток.

— Я сказал, что не развязывал его.

— И я услышала точные слова.

Тален усмехнулся без радости.

— Вот почему с тобой тяжело торговаться.

— Тогда не торгуйся. Сделай опись.

Она забрала тетрадь. На этот раз брат отпустил её сразу.

Янка принесла Миране сумку с инструментами и чистую копийную бумагу.

— Я могу читать продавленные строки, — сказала она. — Лучше Талена.

— Останешься с ним и прочтёшь всё, что найдёте. Ничего не обводи углём до моего возвращения.

— А если он запретит?

— Тогда запишешь, что запретил.

Тален фыркнул.

— Семейное доверие держит дом.

— Нет, — сказала Мирана. — Дом держат балки. Доверие позволяет не проверять их каждое утро. Сегодня проверим.

Она застегнула сумку и направилась к двери. Смотрители уже разбирали поручения, Тален выдавал бумагу, Овса разливала наконец закипевший чай. Семь книг остались на подставках, каждая со своей слабостью. Вместе они больше не казались семью больными вещами. Они были картой одной работы, которую годами делили на удобные части и потому перестали видеть целиком.

На пороге Мирана оглянулась. Золотая нить Четвёртой тянулась от корешка к синей тетради, а от тетради — к её сумке. Она выходила из дома, как поводок, который держала не Мирана.

До девятого заката оставалось девять дней.

До обещанного полудня — несколько ударов городских часов.

И где-то между мастерской и нижней долиной лежала дорога, которую семь лет назад её рука оставила горе.

Глава 3. Ошибка крепче клятвы

Городские часы ударили полдень, когда Мирана дошла до лестницы южного лотка.

Последний удар долго ходил между скалами. Сначала его повторила стена над рынком, потом дальняя башня у Первой скрепы, а затем где-то под ногами ответил камень — не звоном, а низким глухим толчком. С перил посыпалась пыль.

Мирана остановилась и положила ладонь на сумку. Малая книга Четвёртого карниза лежала внутри, обёрнутая промасленной тканью. Корешок был тёплым. Не горячим, как при разрыве строки, но и не спокойным.

— Я пришла, — сказала Мирана, хотя рядом никого не было. — Поздно на один удар. Это моя задержка.

Книга не ответила. Гора тоже. Признание опоздания не могло вернуть минуту и потому ничего не усиливало. Мирана поправила ремень и начала спуск.

Южный лоток не был дорогой. Когда-то по нему отводили весеннюю воду, мелкий щебень и всё, что скатывалось с Четвёртого карниза, не дожидаясь разрешения людей. По краям тянулись каменные борта высотой по колено. Посередине лежали плоские плиты, стёртые водой до тёмного блеска. Над лотком через каждые двадцать шагов стояли поперечные подпорки: две стойки и тяжёлая балка, удерживавшая нависший склон. Старые были из чёрной лиственницы, новые — из светлой сосны, которую приходилось менять чаще.

Семь лет назад Мирана прошла здесь с отцом после большого водосхода. Тогда лоток шумел так, что разговаривать можно было только криком. Вода тащила камни величиной с хлебные караваи, била ими в борта и уходила к пустой россыпи восточнее нижней долины. Отец записывал каждую трещину. Мирана несла сумку, сердилась на дождь и думала о заказах, оставленных в мастерской.

Теперь вода текла тонкой нитью. На плитах лежала сухая серая пыль. Восточный поворот скрывался за выступом, но Мирана помнила его: широкий каменный язык, откуда осыпь уходила в безлюдную чашу. Если приложение говорило «не заселять», значит, отец собирался закрепить это ограничение в книге. Почему лист не был сшит? Почему она не заметила его среди тетрадей?

Она заметила впереди красный платок, привязанный к стойке.

Под второй подпоркой работали трое. Один стоял на коленях у основания столба и выбирал щебень коротким железным крюком. Другой удерживал верёвку, перекинутую через верхнюю балку. Третий, плотный мужчина с белой полосой пыли на бороде, смотрел вверх и командовал:

— Ещё ладонь. Не тяни рывком. Я сказал — ладонь!

Верёвка скрипнула. Балка приподнялась. Из-под её правого конца высыпались мелкие камни.

Мирана ускорила шаг.

— Опустите.

Мужчина обернулся.

— Не стой под склоном, мастерица. Обойди по внешнему краю.

— Опустите балку.

— Мы её затем и подняли, чтобы переставить.

— Подняли чем?

— Воротом. Не руками же.

— Я спрашиваю, на что перенесли вес.

Мужчина указал подбородком на тонкую временную стойку. Та была вырезана из молодой сосны и упиралась верхним концом в балку, нижним — в плоский камень у борта. На коре ещё блестела смола.

— На неё, — сказал он. — Два часа простоит.

— Она уже гнётся.

— Не гнётся.

Стойка выгнулась едва заметной дугой. Мужчина посмотрел на неё, потом на Мирану.

— Волокно кривое, — сказал он. — Сама жердь такая.

Из сумки донёсся шорох, словно кто-то провёл ногтем по бумаге.

Рабочий у основания столба отнял крюк.

— Варен, она утром прямая была.

— Тебя спрашивали?

— Нет. Только если лопнет, она и без спроса меня пополам сложит.

Мирана сошла с середины лотка на каменный борт. Сверху нависал пласт сланца. По его нижнему краю шла свежая белёсая трещина. Тонкая сосновая стойка держала не одну балку. Пока правый конец был поднят, на неё легла часть склона.

— Опускайте сейчас, — сказала Мирана.

— Если опустим, старый столб снова сядет в выбоину. Затем всё начинать заново.

— Лучше начать заново, чем искать ваши имена под камнями.

Варен вытер лоб рукавом. На его ремне висела жестяная дощечка Первой скрепы. Значит, это были люди Доры. Они должны были разбирать складские ступени и возвращать куски старой подпорки к северному зубу, а не чинить Четвёртый карниз.

— Кто вас послал? — спросила Мирана.

— Смотрительница Дора. После вашего распоряжения.

— Распоряжение касалось северного зуба.

— Там и работали. На обратном пути увидели, что эту опору повело. Раз уж ворот с нами, решили поправить.

Он произнёс это с достоинством человека, который сделал больше порученного и ожидал благодарности.

— Как повело?

— Низ правой стойки вышел на два пальца к воде. Мы хотели поднять балку, выбрать щебень и посадить стойку глубже.

— Кто осмотрел склон над ней?

— Я двадцать лет ставлю подпорки.

— Это не имя осмотревшего.

— Я осмотрел.

Малая книга снова зашуршала. На этот раз звук услышали все. Молодой рабочий с верёвкой повернул голову к сумке.

— Она там сама листает?

— Нет. Ей тесно от неточных слов.

Варен нахмурился.

— Я посмотрел наверх. Камень сухой, течи нет.

— Трещину видели?

Он задрал голову. Белёсая полоса начиналась над левой стойкой и уходила к правому краю пласта. Её нельзя было не заметить, если смотреть дольше одного вдоха.

— Старая, — сказал Варен.

— Края светлые.

— Здесь солнце не берёт. Они всегда светлые.

Рабочий с крюком медленно отполз из-под балки.

— Утром её не было, — сказал он.

— Ты утром был у северного зуба, — отрезал Варен.

— Позавчера проходил здесь.

— За два дня мог забыть.

Сосновая стойка хрустнула.

Звук был негромким, похожим на щелчок сухой веточки в печи. Но мужчина у верёвки бросил конец и отскочил. Ворот завертелся, железная рукоять ударила о раму. Балка опустилась на ширину пальца и остановилась: правый конец застрял на перекошенном старом столбе.

Сверху посыпался щебень.

— Наружу! — крикнула Мирана.

Они выбрались за борт лотка. Варен последним отпустил раму ворота и прыгнул на уступ. Тонкая стойка ещё держала, но по ней пошла длинная тёмная щель.

— Два часа, — сказал рабочий с крюком. — Ты говорил, два часа.

— Замолчи, Плиш.

— Не замолчу. Я под ней сидел.

— И уже не сидишь.

— Не благодаря твоей жерди.

Мирана сняла сумку. Каменный борт был узким, но сухим. Она расстелила ткань и достала малую книгу. Серая кожа на обложке вздулась вокруг знака ступени. Застёжка сама вышла из петли.

— Не открывай здесь, — сказал Варен. — Пыль.

— Пыль книге знакома. Ложь опаснее.

— Я не лгал.

Мирана открыла книгу на последних записях. Листы перевернулись сами и остановились на строке, внесённой три недели назад: «Южный лоток осмотрен, подпорки стоят по правилу, путь свободен». Под записью стояла печать смотрителя Лема и три рабочих знака. Один принадлежал Варену.

От его знака к краю страницы тянулась тонкая пустая борозда. Не трещина в бумаге — след нити, которой не хватало вещества. Когда Мирана провела над ним пальцем, сосновая стойка под балкой тихо затрещала снова.

— Вы осматривали лоток три недели назад? — спросила она.

— Осматривали.

— Эту подпорку?

— Все подпорки.

— В каком порядке?

— Снизу вверх.

— Кто проверял основание правой стойки?

Варен перевёл взгляд на перекошенный столб.

— Я.

— Чем?

— Крюком.

— Сколько камня выбрали вокруг?

— Достаточно.

Борозда на странице стала шире.

Мирана почувствовала раздражение — горячее, почти приятное. Было легко прижать человека вопросами, пока он не скажет нужную фразу. Легко и неправильно. Вынужденное признание не держало камень. Если Варен повторит за ней обвинение, лишь бы она отстала, книга примет звук, но не работу.

Она закрыла ладонью страницу.

— Я не буду угадывать за вас. Вы знаете подпорки. Смотрите сами.

— Некогда смотреть. Сначала надо снять вес.

— Чем?

Варен открыл рот и умолк. Вторая жердь лежала возле ворота, такая же тонкая, только короче. Поставить её рядом означало разделить вес между двумя слабыми опорами и получить две точки излома вместо одной.

— У нас есть ворот, — сказал он наконец.

— Ворот тянет. Что будет держать, пока вы переставляете старый столб?

Плиш сидел на корточках у края уступа и растирал колено. Молодой рабочий, которого звали, как выяснилось, Жат, молча рассматривал верхнюю балку.

— Левый столб, — сказал Варен.

Жат покачал головой.

— На нём трещина у скобы.

— Какая ещё трещина?

Жат указал. С внешней стороны левого столба под ржавой скобой темнела косая щель. Её замазали смесью смолы и пыли. Снизу она казалась сучком.

Варен спрыгнул обратно в лоток, не заходя под балку, и приблизился к стойке. Поддел замазку ножом. Отвалился тонкий серый пласт. Щель уходила в дерево почти до середины.

— Кто замазал? — спросил Плиш.

— Не знаю.

— На осмотре она уже была?

Варен не ответил.

Мирана убрала ладонь со страницы. Пустая борозда дрожала. Рядом проступила вторая — от рабочего знака, поставленного под общим словом «осмотрено».

— Мы шли после дождя, — произнёс Варен. — Вода стояла по щиколотку. Лем торопил нас к верхнему мосту: там сорвало настил. Я проверил первые четыре подпорки крюком. На пятой крюк застрял между плитами. Дальше я бил по стойкам обухом.

Борозда перестала расширяться.

— По каким местам били? — спросила Мирана.

— По низу. Если дерево гнилое, звук глухой.

— Здесь били?

— По правой.

— А по левой?

Он посмотрел на замазанную трещину.

— Нет.

— Почему под строкой ваш знак, что подпорка осмотрена?

Варен потёр бороду. Пыль осыпалась на грудь.

— Потому что я решил, что осмотр правой достаточен. Балка одна. Если правая держит, левая только страхует.

Жат поднял голову.

— Ты учил наоборот. Две стойки делят вес.

— Учил.

— Тогда почему решил?

— Потому что мы опаздывали к мосту.

— Мост починили к вечеру, — сказал Плиш. — А сюда потом не вернулись.

Варен сжал рукоять ножа. Не угрожающе — будто хотел удержать ладонь от движения.

— Не вернулись, — сказал он. — Я велел поставить знак «проверено», чтобы Лем не гнал нас вниз на следующий день. Решил, что летом подпорка выстоит. Сегодня увидел, что правый столб вышел, и захотел поправить без записи. Поставил временную жердь слишком

близко к борту. Под ней плита тонкая, а я не проверил. Она просела, жердь согнулась. Плиш сидел под балкой, потому что я сказал, что она выдержит два часа. Я сказал это без меры. Не знал, сколько она выдержит.

Он говорил медленно, без красивых слов. Каждая фраза называла отдельное действие. Мирана не перебивала.

Когда Варен закончил, его знак на странице потемнел, будто в выдавленную борозду налили прозрачную воду. Но золотого света не появилось.

— И всё? — спросил Жат. — Книга услышала?

— Услышала, — сказала Мирана. — Теперь ждёт.

— Чего?

— Чтобы мы перестали стоять рядом с ошибкой и называть её.

Варен присел перед раскрытой книгой. Его лицо стало серее пыли.

— Если снять вес нечем, исправить сейчас нельзя.

— Можно не чинить старую подпорку, — сказала Мирана. — Можно поставить новую раму перед ней, принять вес на неё, а старую разобрать после.

— Для рамы нужны две балки.

— Внизу я видела склад лотковых щитов.

— Щиты короткие.

— Их поперечины?

Варен посмотрел вниз по лотку. За поворотом стоял навес, под которым хранили доски для весеннего водосхода.

— Дубовые, — сказал он. — Но одну не поднять втроём.

— Нас четверо.

— Ты переплётчица.

— Поэтому умею ставить тяжёлое на место, не засовывая пальцы под край.

Плиш хмыкнул.

— А ещё у неё книга, которая наябедничает, если Варен снова решит на глаз.

Варен посмотрел на него.

— Правильно скажи.

— Что?

— Не наябедничает. Покажет незаписанную работу.

Это были первые слова после признания, сказанные им без защиты. Мирана завернула книгу, оставив закладку на нужной странице.

Они спустились к навесу. Там лежали четыре лотковых щита, две поперечины и связка железных скоб. Одна поперечина сгнила с конца. Вторая была цела, но длины для верхней балки не хватало на пол-локтя.

— Можно посадить на каменные полки, — сказал Жат. — По одной с каждой стороны.

— Полки выломает, если резать в борт, — возразил Варен.

— Не резать. Сложить сухую кладку перед бортом.

— Камни поползут.

Мирана посмотрела на старые ступени, сложенные у навеса. Дора велела вернуть их к северному зубу. Среди обломков лежали два больших прямоугольных блока с отверстиями под скобы.

— Это куски старой подпорки? — спросила она.

— Да, — ответил Плиш. — Остальные уже унесли наверх. Эти не влезли на тележку.

— Они выдерживали северный зуб до весны?

— Шесть лет.

— Поставим их основаниями. После работы вернёте Доре.

Варен измерил расстояние шагами, потом вернулся и измерил верёвкой. На этот раз он не сказал «подойдёт», пока не приложил верёвку к обоим блокам и к поперечине.

— Встанет, — произнёс он. — Если снять с щитов две боковые рейки и связать ими верх.

— Что может не выдержать? — спросила Мирана.

Он перечислил: старая скоба на правом блоке, середина поперечины, верёвочная связь, плита под левым основанием. Жат проверил скобу. Плиш простучал поперечину. Мирана вымела пыль с плиты жёсткой кистью и обнаружила под ней цельный камень без шва.

Работа заняла больше часа. Они перекатывали блоки на круглых жердях, переставляя их по одной. Дубовую поперечину тащили вчетвером. На узком месте Мирана прижалась спиной к борту, удерживая конец ремнём через плечо. Вес тянул её вниз. Плиш командовал коротко: «Шаг. Стой. Ремень. Шаг». Никто не клялся, что не уронит. Каждый называл следующее действие.

Новую раму поставили на расстоянии вытянутой руки от старой. Между дубовой перекладиной и каменным пластом оставался зазор в два пальца. Варен не стал забивать его первым попавшимся щебнем. Вырезал две широкие плашки из целой части щита, приложил волокном поперёк давления и только потом поднял их клиньями.

— По четверти оборота, — сказал он Жату у ворота. — После каждого слушаем.

Балка поднялась. Новая рама приняла вес. Дуб глухо простонал, каменные основания не сдвинулись.

— Ещё четверть? — спросил Жат.

Варен положил пальцы на перекладину.

— Нет. Хватит. Теперь убираем жердь.

Тонкую сосновую стойку вытянули верёвкой снаружи. Едва освободившись, она переломилась там, где изгибалась. Внутри древесина была свежей и влажной.

Плиш поднял половину жерди.

— Два часа?

Варен не отвернулся.

— Я не имел права назвать срок. Сохрани кусок. Покажем Доре вместе с записью.

Они сняли старую верхнюю балку и обе стойки. Под основанием правой обнаружилась не выбоина, как решил Варен, а желоб, вымытый водой. Он тянулся наискось через дно лотка и уходил под восточный борт.

— Здесь не должно быть воды, — сказал Жат. — Основное русло посередине.

Мирана присела. Желоб был забит серой глиной, но на дне лежали округлые красноватые камешки. Такие попадались только выше Четвёртого карниза, у железной жилы. Вода приносила их сюда по старому пути.

Она достала книгу.

Страница с записью осмотра больше не дрожала. Варен опустился рядом, взял карандаш и посмотрел на Мирану.

— Что писать?

— То, что сделал. Своими словами.

Он положил дощечку на колено.

«Я, Варен Сой, три недели назад не проверил левую стойку шестой подпорки южного лотка, но поставил знак полного осмотра. Сегодня поднял балку на слабую жердь, не проверив плиту под ней, и велел Плишу работать под весом. Жердь треснула. Мы поставили перед старой подпоркой новую раму на двух камнях северного зуба, приняли вес, сняли сломанные стойки. До постоянной починки проход под рамой закрыть».

Он перечитал и добавил: «За камнями северного зуба вернуться с тележкой до заката».

— Теперь знак? — спросил он.

— Если всё написанное вы проверили.

Варен посмотрел на Плиша и Жата.

— Проверили?

— Раму — да, — сказал Жат. — Проход ещё не закрыт.

Они натянули поперёк лотка красную верёвку, повесили две жестяные пластины и написали на ближайшем столбе: «Не входить. Временная рама». Только после этого Варен поставил знак.

Золотая нить появилась не сразу. Сначала прозрачная борозда под старой записью наполнилась тёмным, словно бумага втянула воду из чернил. Затем от нового знака протянулась тончайшая светлая жилка. Она прошла через каждую названную вещь: левую стойку, слабую жердь, имя Плиша, новую раму, закрытый проход. Там, где Варен написал о возвращении камней, жилка остановилась незамкнутой петлёй.

В тот же миг новая дубовая перекладина перестала стонать. Не стала толще и не превратилась в железо. Просто вес лёг на неё ровно. Камень над рамой осыпал последнюю щепоть пыли и затих.

Плиш вытянул шею.

— Вот и вся магия?

— Тебе мало, что склон не сел на голову? — спросила Мирана.

— Я думал, будет гром.

— Гром бывает, когда работу сделали раньше слов.

Варен коснулся незамкнутой петли, не задевая страницу.

— Она останется такой, пока не вернём камни?

— Думаю, да.

— Думаешь?

— Я не стану обещать за книгу. Но строка назвала ещё не завершённое дело и не делает вид, что оно завершено.

Он кивнул.

— Ошибка дала ей силу?

— Нет. Сила появилась не из ошибки. Ошибка уже была и только ослабляла подпорку. Строку укрепили точность, твоё имя и исправление, которое можно потрогать. Если завтра рама сдвинется, красивое признание её не удержит.

— Значит, лучше было не ошибаться.

— Для Плиша — точно.

Плиш поднял обломок жерди.

— Я подтверждаю.

Мирана перелистнула книгу к плану лотка. На старом чертеже вода шла по середине, затем поворачивала на восток. Под линией проступала другая, продавленная и не обведённая чернилами. Она отклонялась к югу раньше поворота — именно там, где желоб уходил под борт.

— Нужен лом, — сказала Мирана.

— Мы только закрыли проход, — напомнил Варен.

— Не под рамой. Здесь.

Она указала на восточный борт. Один из камней отличался цветом раствора. Остальные швы были чёрными от старости, этот — серым, будто его закладывали позже. Варен поддел раствор ножом. Крошка осыпалась легко.

— Кладка пустая, — сказал он после простука. — За ней полость.

Они работали снаружи, не заходя за красную верёвку. Первый камень вышел тяжело. За ним открылся узкий тёмный ход, забитый глиной и корнями. Из щели потянуло холодом. На глине лежали те же красноватые камешки.

Жат просунул внутрь длинную рейку. Она ушла почти на два локтя.

— Старый отвод, — сказал Варен. — Его заложили.

— Когда?

Он осмотрел раствор.

— Не вчера. Лет пять, может, десять. Тут известь с чёрным песком, такой пользовались до новой печи.

Семь лет укладывались между пятью и десятью слишком хорошо.

Мирана достала из сумки копийную бумагу и приложила к камню рядом с отверстием. На его поверхности были царапины, похожие на случайные следы кирки. Под боковым светом они сложились в старый знак Четвёртой скрепы и стрелку, направленную внутрь заложенного хода.

Ниже кто-то выбил три буквы: «ДОЛ».

Остальное скрывал соседний камень.

— Долина? — спросил Жат.

— Возможно.

— Ты же говоришь, неточные слова книге тесны.

— Поэтому я сказала «возможно».

Мирана вложила лист в малую книгу, не сшивая, и обвела только видимые царапины. Золотая нить от исправленной записи Варена дошла до края плана и разделилась. Одна ветвь потянулась к прежнему восточному руслу. Другая — слабая, серая — легла вдоль продавленной линии на юг.

К нижней долине.

В памяти всплыл отцовский голос. Не слова — место и звук. Он стоял под дождём возле этого борта и кричал через воду, а Мирана держала над тетрадью плащ. Отец показывал сначала на восточную чашу, потом вниз. Она ответила, что услышала. В тот день в мастерской ждали три свадебных договора, и один заказчик грозил уйти к другому переплётчику.

Что именно она услышала?

Мирана закрыла глаза. Дождь в памяти бил по капюшону. Отец произносил: «Если заложат старый поворот…» Дальше грохотал камень. Потом: «…в книгу до заселения».

Она не помнила середину. Нельзя было подставить удобные слова и назвать это воспоминанием.

— Мастерица, — позвал Варен.

Мирана открыла глаза.

Серая ветвь на странице стала чуть шире.

— Семь лет назад я была здесь с отцом после водосхода, — сказала она. — Он показывал мне этот поворот. Я не помню всего, что он сказал. Помню: если старый поворот заложат, что-то нужно внести в книгу до заселения долины. Я несла записи в мастерскую. Потом сама сшивала приложение Четвёртой скрепы.

— Ты заложила ход? — спросил Плиш.

— Не знаю.

— Но страницу сшивала ты?

— Да.

— И что теперь?

Она смотрела на серую линию. Её признание не стало золотым. Оно называло кусок прошлого, но пока ничего не исправляло.

— Теперь я пройду вдоль хода и узнаю, куда он выходит.

— Внутрь не полезешь, — сказал Варен.

— Не полезу. Найду снаружи.

— Я пойду.

— Тебе нужно вернуть камни северного зуба.

Незамкнутая петля на его записи коротко блеснула, будто книга поддержала напоминание.

Варен поморщился.

— Верно. Тогда возьми Жата.

— Я не вещь, которую берут, — сказал молодой рабочий. — Но пойти могу.

— Не можешь, — возразил Плиш. — Дора ждёт троих и тележку.

Они посмотрели друг на друга, затем на Мирану. Ещё утром кто-нибудь сказал бы: «Мы обещаем всё успеть». Теперь пустая клятва звучала бы почти неприлично.

— Сначала закончите поручение Доры, — решила Мирана. — По дороге отправьте к Лему гонца: шестая подпорка закрыта, нужна постоянная рама и осмотр всего южного лотка парами. Не общая печать. Под каждым местом — имя того, кто трогал стойку рукой.

— А ты одна? — спросил Варен.

— Я пройду по внешней тропе до старого поворота. Если понадобится лезть в камень, дождусь людей.

— Это обещание?

Мирана посмотрела на него.

— Да. Моё. Запиши на полях: «Мирана Вель не входит в заложенный отвод без крепильщиков».

— Зачем?

— Чтобы мне самой было труднее сделать вид, будто я сказала другое.

Варен записал. Мирана поставила знак. Нить не засветилась — пока это было лишь ограничение, а не выполненная работа. Но серая линия перестала расползаться по странице.

Они расстались у навеса. Рабочие погрузили каменные блоки на низкую тележку, подложили под колёса тормозные клинья и стали поднимать её к северному зубу. Мирана пошла вниз по внешней тропе.

За поворотом город исчез. Остались склон, сухая трава и крыши нижней долины далеко внизу. Отсюда они казались уложенными в ладонь: тёмные черепичные квадраты, белые стены, блеск реки. Между домами тянулись огороды. На верёвках сушилось бельё. Люди ещё не знали, что в старой тетради рядом с их домами было написано «не заселять».

Мирана шла, сверяя шаги с продавленной линией на плане. Там, где она должна была пересечь склон, трава росла иначе: узкой полосой, гуще и темнее. Под землёй сохранялась влага. Через сотню шагов полоса упёрлась в низкую каменную стену, построенную поперёк ложбины.

Стена не удерживала террасу. Над ней не было земли, под ней — сада. Она просто перегораживала старый сток.

На верхнем камне стояла рудная печать «Красного клина».

Печать была старой, с выщербленным лучом, но узнаваемой. Рядом сохранилась дата: семь лет назад, конец лета. Ниже кто-то выцарапал знак приёмки — две соединённые буквы. Мирана провела по ним пальцем и не узнала руки.

За стеной ложбина была засыпана отходами породы. Красноватые камешки перемежались чёрным рудным сланцем. Артель не просто заложила отвод. Она использовала его как место для отвала, а затем направила поверх новую тропу.

Если большой сдвиг пойдёт по оставленному пути, стена не удержит его. Она станет первым снарядом. Отвал добавит вес. Ниже ложбина раскрывалась прямо к крайней улице долины.

Мирана достала синюю тетрадь отца. Вдавленные слова на вырванном листе теперь можно было дополнить не догадкой, а увиденным: «южный лоток», «нижняя долина», «не заселять до…» До чего? До открытия старого отвода? До строительства новой каменной чаши? До внесения артелью другого пути?

Из-за стены донёсся стук.

Мирана замерла. Стук повторился: три удара, пауза, ещё два. Кто-то работал по камню с другой стороны отвала.

Она поднялась на край ложбины. За насыпью, почти скрытый пылью, шёл человек с красным шарфом Пятой скрепы. Веран возвращался от счётного дома артели. Малой книги при нём не было. Зато под мышкой он нёс свёрнутый документ с красной печатью.

Увидев Мирану, он остановился.

— Книгу не отдали, — сказал он прежде, чем она спросила.

— Что взяли взамен?

— Ничего.

На красной печати документа проступил масляный блеск.

Мирана посмотрела на него, потом на заваленный путь к нижней долине.

— Тогда назови, что держишь в руке.

Глава 4. Цена семейного имени

Веран разжал пальцы. Документ попытался свернуться обратно, но Мирана прижала его к плоскому камню.

Красная печать «Клина» скрепляла не договор и не расписку. Это был пропуск в счётный дом артели. Под печатью стояло имя Верана и условие: малая книга Пятой скрепы будет возвращена хранителю после сверки рудных обязательств, если хранитель приведёт мастера переплёта для заверения новой описи.

— Ты сказал, что ничего не взял взамен, — напомнила Мирана.

— Я ничего не брал. Они дали бумагу.

— Бумага даёт тебе право войти?

— Да.

— А им — удерживать книгу, пока ты не приведёшь меня?

Веран провёл пальцем по красной печати.

— Я не соглашался.

— Здесь твой знак.

— За получение пропуска.

— Где это написано?

Он наклонился к строке. Знак стоял внизу, под всем текстом. Рядом мелко было выведено: «Условия прочитаны, пропуск принят».

— Счётчик сказал, это отметка, что я пришёл, — произнёс Веран.

Малая книга Четвёртой скрепы в сумке едва слышно зашелестела. Пятая была далеко, в каменном доме артели, но, похоже, договоры и правда перестали считать себя отдельными.

— Что именно ты сказал счётчику? — спросила Мирана.

— Потребовал вернуть книгу.

— Его ответ?

— Они заканчивают сверку. Сказал, книга внесена в обеспечение работ по Пятой скрепе и без новой описи её не выдадут.

— Кто внёс?

— Не назвал.

— Ты спросил?

Веран раздражённо выдохнул.

— Спросил. Он показал запись с печатью мастерской Вель.

Склон вокруг будто сделался тише. Стук за отвалом прекратился. Внизу, в долине, лаяла собака, и этот обычный звук теперь казался слишком далёким.

— Какая печать? — спросила Мирана.

— Круглая. С иглой через раскрытую книгу.

Семейная печать.

— Подпись?

— Не разглядел. Счётчик держал лист у себя.

— Имя?

— Тален Вель.

Мирана медленно свернула пропуск. Хотелось спросить, почему Веран не сказал это сразу. Ответ был перед ней: потому что он уже один раз признал собственную ошибку с книгой, испугался новой и попытался отделить бумагу от условия. Сегодня гора не давала людям времени привыкнуть к точности.

— Ты приведёшь меня? — спросил он.

— Нет.

— Тогда книгу не вернут.

— Если я приду по этому пропуску, получится, что мастерская признаёт право артели удерживать договор до заверения их описи.

— А если не придёшь, договор останется у них.

— Поэтому мы пойдём не с пропуском, а с записью смотрителя о неправомерной передаче.

— Они не пустят.

— Пусть откажут при свидетелях и назовут того, кто принял книгу в обеспечение.

Веран посмотрел на печать артели.

— Я снова должен идти туда?

— Ты отдал книгу.

— Я знаю.

— Тогда вопрос не ко мне.

Он помолчал и спрятал пропуск за пазуху.

— Сначала к Лему?

— Сначала в мастерскую. Там книги и печать. И Тален.

Они пошли вверх. Веран первым заметил красную верёвку у временной рамы и выслушал рассказ Варена без шуток. Бригадир уже вернулся с пустой тележкой: камни северного зуба были на месте, а незамкнутая петля в малой книге сомкнулась тонким золотым кольцом. Это заняло несколько мгновений, но Мирана заставила себя проверить запись и основания рамы. Только после этого закрыла книгу.

— Теперь строка крепче прежней? — спросил Веран.

— Да.

— Значит, Варену выгодно было ошибиться.

Бригадир поднял обломок жерди.

— Возьми. В следующий раз посиди под ней сам и посчитай выгоду.

— Я не о том.

— А гора тоже не о том, — сказала Мирана. — Сильная строка не возвращает час работы, не лечит Плишу колено и не делает гнилую стойку новой. Она только не даёт ошибке остаться спрятанной внутри следующего осмотра.

Веран кивнул, хотя по лицу было видно: он примерял слова к своей книге и не находил простого выхода.

Подъём до города занял остаток дня. На лестницах стало людно. Гонцы носили записки между скрепами, каменщики тащили клинья, женщины из нижней долины поднимались к Стану, смотрителю Седьмой книги. От каждого десятка дворов выбрали проверяющего, и теперь эти люди спорили у сторожевой башни, кто вправе смотреть записи. Город уже знал о девяти днях. Слух оказался быстрее точного объяснения: возле рынка говорили, будто на девятый рассвет гора потребует семь человеческих имён. Мирана дважды остановилась, чтобы опровергнуть это, и оба раза услышала в ответ: «Нам так сказал человек от смотрителя».

— Какой человек? — спрашивала она.

Никто не знал.

Возле мастерской стояла очередь. Не заказчики — смотрители, гонцы и рабочие с листами. Овса выставила у двери скамью и объявила, что внутрь входят по одному. Янка принимала бумаги через окно, нумеровала и складывала в три корзины: исполнено, требует проверки, спор.

— Откуда у тебя три корзины? — спросила Мирана, протискиваясь внутрь.

— В одной раньше лежали ремни, в другой зимние тряпки, в третьей долги, — ответила Янка. — Тален сказал, долги всё равно скоро вынут.

Брат сидел за большим столом. Перед ним лежали три толстые связки расписок, счётная доска и семейная печать. Та самая — круглая, с иглой через раскрытую книгу.

Мирана положила перед ним пропуск Верана.

— Объясни.

Тален прочёл документ целиком. Не побледнел, не отвёл глаз. Только потёр переносицу, оставив чернильное пятно.

— Я не выдавал такой пропуск.

— Здесь не твой знак. Здесь условие, которое опирается на запись с твоим именем и нашей печатью.

— Какую запись?

Веран повторил увиденное. Тален слушал, слегка покачивая ногой под столом.

— Малая книга Пятой не обеспечение, — сказал он. — Я внёс в обеспечение будущую плату за обслуживание рудных книг.

— Каких рудных книг?

— Журналов выработки, сменных списков, долговых тетрадей. Обычная работа.

— Почему артель считает, что в залоге договорная книга?

— Потому что им выгодно считать.

— Покажи свою запись.

Тален протянул руку к нижнему ящику стола, но остановился.

— Сначала закрой дверь.

— Нет.

— Мирана, здесь полгорода.

— Пятая книга принадлежит не нашей семье. Разговор о ней не семейный.

— А долги семьи — семейные.

— Тогда отдели одно от другого.

Тален посмотрел на Верана.

— Ты передал книгу счётчику Брана, хотя в расписке указано «рабочие журналы»?

— Я передал для сверки. Они сказали, ваша мастерская согласовала.

— Ты спросил, что именно согласовала?

— Нет.

— А теперь привёл сюда артельную бумагу и требуешь объяснений от меня.

Веран вспыхнул.

— Я хотя бы сходил за книгой.

— После того как сам её отдал.

— Довольно, — сказала Мирана. — Вы оба называете ошибку другого, чтобы не договорить свою. Тален, запись.

Брат вынул из ящика сложенный лист. Печать была настоящей. Текст — его рукой. Мастерская обязалась до конца года переплести и заверить двадцать четыре артельных журнала. В счёт будущей работы «Красный клин» выдал семье тридцать серебряных горных марок. Если работа не будет выполнена, артель получала право удержать «переданные мастерской Вель книги и записи до покрытия долга».

— Какие книги были переданы мастерской? — спросила Мирана.

— Никакие. Мы сами должны были получить журналы по мере заполнения.

— Здесь написано иначе.

— Здесь написано криво. Я спорил.

— Но поставил печать.

— Потому что без тридцати марок кожевник забрал бы станок ещё весной.

Очередь за дверью шумела. Овса переставляла чашки. Янка перестала нумеровать бумаги и слушала.

— Почему я не знала? — спросила Мирана.

— Потому что ты не открываешь счётную книгу.

— Я открываю её каждую пятницу.

— Ты открываешь страницу заказов. Долги я перенёс в отдельную тетрадь.

— Зачем?

— Чтобы ты не отказалась от срочной кожи, нити и зимнего угля, когда денег не было.

— Я бы отказалась от части заказов.

— И чем мы бы платили за муку?

Мирана хотела ответить, но Овса поставила на стол серую тетрадь.

— Посмотрите, — сказала мать. — Обе.

В тетради не было магических нитей, только числа. От этого они не становились легче. Кожевнику — двенадцать марок. Бумажнику — восемь. За уголь — пять. Налог за место у городского водосбора — три. Лекарю за Овсину руку — четыре. Два старых долга отца, которые Тален продлевал каждый сезон. Выплаты подмастерьям. Ремонт крыши. Пошлина за хранение семи книг, которую город обещал возместить и не возмещал третий год.

Напротив каждой суммы стояла дата и маленький знак Талена.

— Сколько всего? — спросила Мирана.

— До сегодняшнего утра — семьдесят две марки, — ответил он. — Если кожевник потребует досрочно, восемьдесят одна. Если артель сочтёт договор нарушенным — ещё сорок с пенёй.

— Мастерская столько не стоит.

— Стоит. Вместе с правом содержать семь книг.

В комнате стало тихо. Даже люди за дверью будто почувствовали перемену и перестали спорить.

— Это право не наше, — сказала Мирана.

— Город платит его нашей семье двести лет.

— Платит за работу.

— Платит семье Вель. В постановлении так и написано.

— Потому что двести лет никто другой не умел шить договорные нити.

— Умеем мы. Значит, пока право наше.

Мирана положила ладонь на счётную тетрадь. Бумага была гладкой на углах: Тален часто её открывал. Она вспомнила братовы сапоги с дважды подбитыми носами, его отказ покупать новый плащ, привычку считать свечные огарки. Всё это она видела и принимала за скупость. Удобное объяснение освобождало от вопроса, сколько стоила мастерская на самом деле.

— Ты взял деньги артели, — сказала она. — Не сказав мне.

— Да.

— Спрятал долги в отдельную тетрадь.

— Да.

— Поставил печать под условием, которое позволяет удерживать книги.

Тален сжал губы.

— Я решил, что речь только о рабочих журналах, которые будут у нас.

— Это не ответ.

— Поставил.

Ни одна договорная книга не засветилась. Признание касалось семейного долга, а исправления ещё не было. Но Мирана почувствовала, как в ней самой ослабевает желание представить брата простым продавцом. Тален не придумал нехватку денег. Он выбрал опасный выход и скрыл его, однако дыра существовала до его подписи.

— Где тридцать марок? — спросила она.

— Двадцать семь ушли. Три в шкатулке.

— Вернуть их артели.

— И что это изменит?

— Уменьшит долг.

— На три марки из сорока. Кожевник завтра заберёт станок, потому что слух об обвале уже дошёл до него. Без станка ты не починишь ни одной книги.

— Артель удерживает Пятую.

— Не по моей воле.

— По твоей подписи.

— По ошибке Верана.

— По обеим.

Веран переступил с ноги на ногу.

— Я могу написать, что передал не ту книгу.

— Напишешь, — сказала Мирана. — И потребуешь вернуть её без условий.

— Они не вернут.

— Тогда Лем закроет нижнюю штольню до возврата.

Тален коротко рассмеялся.

— Лем закроет главный заработок города за девять дней до обвала? Рабочие разнесут его башню по камню.

— Без Пятой книги рудные пустоты могут сложиться сами.

— Поэтому Бран и предложил выход.

Тален вынул из-под счётной тетради ещё один документ. Он был написан на плотной белой бумаге, по краям шла красная линейка. Печати пока не стояли.

— Какой выход? — спросила Мирана.

— «Красный клин» погашает все долги мастерской, возвращает Пятую книгу и оплачивает ремонт семи скреп. Взамен получает содержание договорных книг на двадцать лет.

— Получает кого из нас?

— Мастерскую. Ты остаёшься главным переплётчиком с жалованьем. Я веду счета. Овса живёт в доме до конца жизни. Янка получает обучение.

— А книги?

— Остаются на скрепах.

— Кто назначает смотрителей?

Тален не ответил сразу.

— Город по представлению артели.

— Кто утверждает записи?

— Мастерская.

— Чья?

— Артели.

Мирана взяла предложение. Двадцать лет были расписаны мелким почерком. Артель получала право устанавливать плату за обслуживание, хранить копии всех записей, назначать писцов и требовать от работников подтверждения ошибок, связанных с рудными работами. Последнее было спрятано в середине длинного абзаца, между оплатой бумаги и доставкой футляров.

— «Требовать подтверждения ошибок», — прочла Мирана. — Это что?

— Рабочие и сейчас дают объяснения после аварий.

— Объяснение начальнику и признание в договорной книге — не одно и то же.

— Тогда измени строку.

— Они не уступят право требовать.

— Ты не спрашивала.

— Ты спрашивал?

— Бран сказал, формулировки обсуждаются.

Веран вытянул шею к документу.

— Счётчик уже собирает у смены списки ошибок.

Мирана повернулась к нему.

— С каких пор?

— Месяц. Говорит, для безопасности. Кто сломал инструмент, кто опоздал, кто неверно поставил вагонетку. За каждую запись снимают часть взыскания.

— Куда идут записи?

— В малую книгу.

Тален выругался вполголоса.

— Ты сказал, её используют для веса породы.

— Использовали. Потом счётчик добавил листы.

— И ты позволил?

— Я думал, признания укрепят Пятую скрепу.

— Вынужденные признания не укрепляют ничего, — сказала Мирана. — Если человеку возвращают деньги за нужные слова, это сделка. Если грозят взысканием — принуждение.

— Но ошибки настоящие, — возразил Веран.

— Возможно. Только право назвать их принадлежит ошибившемуся. И исправить должен он, а не артель от его имени.

Тален постучал пальцем по предложению.

— Тем более надо войти внутрь и изменить правила. Снаружи мы ничего не контролируем.

— Ты предлагаешь отдать им книги, чтобы получить право просить не портить книги.

— Я предлагаю получить деньги, людей и доступ к штольням. У нас девять дней, одна мастерская, один станок и семь больных договоров. Ты сама сказала утром: камень не ждёт.

Это был сильный довод именно потому, что в нём не было лжи. Артель имела рабочих, телеги, древесину, железо и склады. За один приказ Брана сотня людей могла открыть стоки, укрепить мосты и расчистить старый отвод. Семейная мастерская имела четыре пары рук, из которых Овсина правая плохо сгибалась, и очередь у двери.

— Если подпишем, — продолжил Тален, — сегодня же получим Пятую книгу. Завтра начнут работы. Долина будет спасена, дом останется семье.

— А через месяц первый рабочий, который откажется писать признание за смену, потеряет заработок.

— Впиши запрет.

— Артель уже удерживает книгу на основании кривой строки. Почему ты думаешь, что длинный запрет удержит её лучше?

— Потому что ты его сошьёшь.

Мирана посмотрела на семейную печать. Игла проходила через раскрытую книгу и выходила с другой стороны. В детстве знак казался ей простым: ремесло соединяет листы. Теперь игла напоминала шило, которым можно проколоть чужое слово и привязать его к тому, кто заплатил.

— Сколько времени до решения? — спросила она.

— Бран придёт на закате.

За окном свет уже желтел. Первый из девяти рассветов ещё не наступил, но остаток подаренного дня почти закончился.

— Ты собирался подписать без меня?

— Нет. Для передачи ремесла нужны два семейных знака. Мой и твой.

— Поэтому страница из синей тетради лежала в архивном свёртке с долгами?

Тален замер.

Янка возле корзин перестала дышать так заметно, что Мирана услышала тишину.

— Не лежала, — сказал брат.

— Тетрадь лежала в свёртке, который завязывал ты. Из неё вырван лист о старом пути осыпи. Сегодня я нашла стену с печатью «Красного клина», поставленную семь лет назад.

— Я не вырывал лист.

— Я не спросила, вырывал ли ты.

— Ты именно это спрашиваешь с утра, только другими словами.

— Я спрашиваю, почему тетрадь была с долгами.

Тален посмотрел на Овсу.

Мать села. До этого она всё время стояла: подавала чай, принимала записки, освобождала место. Теперь медленно положила больную руку на колени.

— Я положила, — сказала она.

— Когда? — спросила Мирана.

— После смерти отца. Разбирала его стол. Синяя тетрадь была среди неоплаченных работ.

— Почему не отдала мне?

— Ты тогда третий месяц почти не спала. Перешивала Четвёртую книгу после водосхода и говорила, что всё закончила.

— Не закончила.

— Теперь вижу.

— А тогда?

Овса провела большим пальцем по кривому суставу.

— Тогда я хотела, чтобы закончила. Дом был должен за похороны. Тален искал деньги. Ты бралась за каждую работу. Я увидела на тетради «не сшито» и решила, что это старое замечание, которое отец не зачеркнул.

— Третий лист уже был вырван?

— Не помню.

— Мама.

— Не помню точно. Это не значит «нет» и не значит «да».

Мирана почувствовала злость, но не на мать. Точный ответ отказывался облегчить задачу. Никто не становился единственным виновным. Отец оставил приложение несшитым. Мирана заменила страницу и не проверила тетрадь. Овса убрала её к долгам. Тален годами завязывал свёрток, не читая. Артель заложила отвод. Город заселил долину. Каждый поступок был меньше будущего обвала и вместе с другими давал ему дорогу.

— Янка, — сказала Мирана. — Что показали продавленные строки дальше?

Девочка вынула из корзины копию. Она не стала обводить тетрадь, как велела Мирана, а снимала оттиск боковым светом на отдельный лист.

— «Не заселять до устройства восточной чаши», — прочла она. — Слово «восточной» не целиком. Ещё ниже: «артель обязуется вывезти отвал». Потом имя не видно.

— Значит, чаша не устроена, отвал не вывезен, а долину заселили, — сказала Мирана.

— И теперь та же артель предлагает заплатить за исправление, — добавил Тален. — Это повод взять с них больше, а не отказаться.

— Это повод не отдавать им право проверять самих себя.

— Тогда предложи деньги из другого места.

Она не могла.

На столе лежали семьдесят две марки долга. У двери — бумаги семи скреп. В Пятой книге артель уже собирала признания рабочих. В нижней долине люди развешивали бельё под старым руслом осыпи. И всё упиралось в один станок, который кожевник мог забрать утром.

Мирана раскрыла предложение на чистом обороте.

— Я дам Брану другой договор.

— Какой? — спросил Тален.

— Артель возвращает Пятую книгу немедленно. Даёт людей и материалы на исправление тех работ, за которые отвечает: вывозит старый отвал, открывает восточную чашу, укрепляет рудные пустоты. Взамен город учитывает стоимость работ при разборе ущерба.

— А наши долги?

— Остаются нашими.

— Тогда завтра нет станка.

— Попросим отсрочку у кожевника.

— Я просил дважды.

— Попрошу я.

— Чем обеспечишь?

Мирана посмотрела на свои руки. Они были нужны книгам, но заложить руки нельзя. Дом без права содержать договоры стоил мало. Инструменты уже входили в долг. Оставалось имя.

— Будущими частными заказами, — сказала она. — Не договорными книгами. Моей долей заработка после девятого дня.

— Если будет после.

— Именно поэтому он может согласиться.

Тален покачал головой.

— Ты отдашь годы работы, лишь бы не подписать бумагу, которая сохраняет тебе жалованье.

— Я отдам свою работу. Ты предлагаешь отдать чужие признания.

— Я предлагаю сохранить семью.

— Семейное имя не даёт нам права владеть горой.

— Зато долги записаны на это имя.

Оба замолчали. Спор не исчез. Просто дошёл до камня, который нельзя обойти словами.

В дверь постучали трижды. Овса открыла.

На пороге стоял высокий мужчина в красном плаще без единой пылинки. За ним двое рабочих держали футляр малой книги Пятой скрепы. Футляр был перевязан цепью, а на замке висела красная печать.

— Добрый вечер семье Вель, — сказал Бран. — Я принёс то, без чего вам трудно торговаться.

Мирана встала между ним и семейной печатью.

— Договорная книга не товар.

— Тогда хорошо, что я не назначил цену книге. Я назначил цену возвращению.

За его спиной цепь на футляре тихо натянулась сама собой.

Глава 5. Нижняя долина

Цепь на футляре натянулась ещё раз и звякнула о железную накладку.

Бран не обернулся. Он стоял на пороге так, словно пришёл не в чужую мастерскую, а в комнату, которую уже велел обмерить. Красный плащ лежал на плечах ровными складками. У двоих рабочих за его спиной сапоги были в рудной пыли, а ладони — в свежих ссадинах от тяжёлого футляра.

Мирана заметила это раньше, чем успела испугаться цепи.

— Поставьте книгу на стол, — сказала она рабочим.

Они посмотрели на Брана.

— Я разговариваю с мастером Вель, — произнёс он.

— А я с теми, кто держит договорную книгу. Поставьте. Вы перекосили футляр, нижняя застёжка принимает весь вес.

Рабочий слева, коренастый мужчина с рассечённой бровью, переступил порог. Второй двинулся за ним. Бран чуть поднял руку, но останавливать их не стал. Футляр опустили на свободный край стола. Доски жалобно скрипнули.

Мирана не прикоснулась к замку. Сначала провела пальцами вдоль крышки. Кожа была сухой, на углах проступила белёсая соль. Футляр хранили возле рудничной печи или сушильного желоба, где горячий воздух вытягивал влагу. На цепи темнели три пятна. Не ржавчина — засохшие чернила.

— Когда вы открывали книгу в последний раз? — спросила она.

— Сегодня утром, — ответил Бран. — Наш счётчик внёс сменные объяснения.

— Кто разрешил счётчику писать в ней?

— Смотритель передал книгу для сверки. Мы пользуемся переданным предметом по назначению.

Веран шагнул вперёд.

— Я передал её для проверки веса породы.

— Вы передали её без ограничений, — спокойно сказал Бран. — И получили пропуск, подтверждающий условия.

— Мне сказали, что я расписываюсь за вход.

— Тогда ваша ошибка — не читать бумаги — уже принесла пользу. Теперь будете внимательнее.

Малая книга Четвёртой скрепы зашелестела в сумке Мираны. Не от силы признания. Скорее от того, как близко прозвучало правильное слово, вывернутое наизнанку.

— Ошибка Верана не даёт вам права удерживать Пятую книгу, — сказала Мирана. — И не делает полезным ваш обман.

— Обман надо доказать.

— Рабочие слышали мой вопрос и ваш ответ. Вы открывали книгу утром. Вносили объяснения. Значит, сейчас она нужна не для сверки веса породы, ради которой её передал смотритель.

Бран улыбнулся уголком рта.

— Тогда заверьте новую опись, и спор закончится.

— Покажите опись.

— После подписи соглашения о содержании книг.

Тален поднялся из-за стола.

— Мы ещё не договорились об условиях.

— Поэтому я здесь.

— Вы сказали, формулировки обсуждаются.

— Разумеется. Двадцать лет можно заменить пятнадцатью. Жалованье мастера увеличить. Долги семьи закрыть сегодня.

— А право требовать у рабочих признания? — спросила Мирана.

Бран впервые посмотрел прямо на неё. Глаза у него были серые, почти в цвет камня за окном.

— Вы называете признанием обычный разбор ошибок. Мы называем его безопасностью.

— Для безопасности сначала исправляют опасное место. Кто из записанных сегодня рабочих исправил своё?

— Работы распределяет десятник.

— Значит, человек называет ошибку, вы уменьшаете взыскание и оставляете исправление другому.

— Каждый занимается тем, что умеет.

— Тогда строка пустая.

Цепь снова дрогнула. На этот раз все в мастерской услышали. Коренастый рабочий отступил от стола.

Бран положил ладонь на крышку футляра.

— Пятая скрепа держит три рудные пустоты. Пустоты требуют дерева, железа и сотни рук. У вас есть что-нибудь из этого?

— Есть право потребовать от вас исправить то, что вы выработали.

— Право не подпирает свод.

— Как и принуждённое слово.

— Вы уверены? Вы видели наши записи?

— Нет. Вы держите их под замком.

— Тогда не можете судить.

Мирана протянула руку.

— Откройте.

Бран вынул из кармана маленький ключ на красном шнуре, но не вставил его в замок.

— Два семейных знака на соглашении. После этого цепь снимают.

— Нет.

Тален шумно выдохнул.

— Мирана, хотя бы прочти их опись.

— Прочту без покупки права читать.

— Бран вернёт книгу сейчас.

— Он вернёт её, когда получит семь.

— Мы получим людей на работы.

— А рабочие получат хозяина своих ошибок.

Тален обошёл стол. Между ним и Браном оставалось два шага, между ним и Мираной — один.

— Если завтра кожевник заберёт станок, — сказал брат тихо, — ты не сошьёшь ни одной строки. Если Пятая пустота сложится, погибнут те самые рабочие, чьи слова ты защищаешь. У тебя есть другой способ?

— Есть начало способа. Артель возвращает книгу. Мы проверяем скрепы и назначаем необходимые работы. Город учитывает стоимость материалов при разборе старого ущерба.

— При каком ещё разборе? — спросил Бран.

Мирана вынула копию оттиска синей тетради.

— При разборе стены поперёк старого русла, отвала и неустроенной восточной чаши.

На лице Брана ничего не изменилось. Только большой палец перестал гладить ключ.

— Откуда это?

— Из записи, сделанной семь лет назад.

— Кем?

— Это мы ещё установим.

— Тогда установите. Пыльные заметки мёртвого мастера не отменяют нынешних долгов.

— И нынешние долги не отменяют обязательство вывезти отвал.

— Какой отвал?

— За южным лотком. Красноватая порода, старая артельная метка, стена в русле.

— В горах десятки старых меток. «Красный клин» покупал участки у трёх малых артелей. Вы хотите повесить на нас каждую брошенную телегу?

— Я хочу пройти путь осыпи и назвать, чья стена куда её направляет.

— Пройдите.

— Пройду. Сейчас.

Тален схватил её за локоть.

— Темнеет.

— Поэтому сейчас.

— Ты с утра на ногах.

— Долина тоже.

Бран убрал ключ в карман.

— Когда вернётесь, предложение останется на столе. До первого рассвета. Потом цена изменится.

— Книга останется здесь, — сказала Мирана.

— Нет.

Она встала у футляра. Рабочие отступили к двери, не решаясь снова поднять тяжесть. Мирана могла позвать людей с улицы. Там были смотрители, гонцы, жители долины. Десяток рук легко оттеснил бы Брана. Но цепь держалась не только на замке. Если сейчас начнётся драка за договорную книгу, каждая следующая сторона приведёт больше людей и назовёт это защитой горы.

— Веран, — сказала она. — Запиши при всех: Бран подтвердил, что книга открывалась сегодня для сменных объяснений, но отказался предъявить записи законному хранителю без передачи артели прав на семь книг.

— Законному? — переспросил Бран.

— Смотрителю, — уточнила Мирана. — Не мне.

Веран взял лист у Янки. Она подала ему перо и сама встала рядом, следя за каждой строкой.

— Добавь, — сказала Мирана, — что футляр хранили в сухом жарком месте и что на цепи есть чернила.

— Это не относится к спору, — возразил Бран.

— Относится к состоянию книги.

Коренастый рабочий кашлянул.

— У счётчика печь под окном, — сказал он. — Футляр стоял рядом. Я дважды говорил переставить.

Бран повернул голову.

— Тебя спрашивали?

— Мастер спросила, где хранили.

— Она спросила не тебя.

— Книгу нёс я.

Мирана запомнила его лицо.

— Имя?

— Ружан.

— Ружан, вы готовы поставить знак под тем, что видели?

Он посмотрел на Брана, потом на футляр.

— Под печью стояла. Нижний угол утром был тёплый.

— Это не ответ.

Ружан стиснул челюсти.

— Готов.

Веран дописал строку. Второй рабочий отвёл глаза.

Бран взялся за одну ручку футляра.

— Поднимайте.

Ружан не двинулся.

— Сначала знак поставлю.

Он обмакнул перо и вывел короткую угловатую метку. Золотая нить не появилась: Ружан не признавал ошибку, только свидетельствовал о состоянии вещи. Но цепь ослабла настолько, что среднее звено легло на крышку.

Бран заметил это. На миг его спокойствие дало трещину.

— Теперь поднимайте, — повторил он.

Рабочие унесли футляр. Когда цепь исчезла за дверью, в мастерской стало просторнее и хуже.

Тален скомкал край соглашения.

— Ты могла получить книгу.

— Ценой остальных.

— Ценой работы, которую всё равно надо делать.

— Не называй правом на чужое слово работу.

— Не называй отказ решением.

Овса подняла больную руку.

— Хватит. Если Мирана идёт в долину, ей нужен человек, который знает тропы.

— Я знаю южный лоток, — сказал Веран.

— Ты знаешь скрепу, — возразил голос от двери. — А под карнизом ты последний раз ходил до весеннего схода.

Мирана узнала Раду не сразу. Проводница сняла серую накидку и держала её на локте. Короткие тёмные волосы были прижаты ремешком, на шее висели катушка тонкой верёвки и костяной свисток. За плечами — узкий мешок, из которого торчали складной шест и молоток.

— Лем послал тебя? — спросила Мирана.

— Лем попросил найти тебя. Послать меня может только непогода, и то если убедительно.

— Мне нужно пройти от старого отвода до нижней долины.

— Знаю. Там уже спорят, чьи дома первыми разберут на подпорки.

— Почему?

— Потому что кто-то сказал: мастер Вель обнаружила путь большого обвала. Потом кто-то добавил, что мастер Вель велела снести крайнюю улицу. Ещё через час крайних улиц стало три.

Мирана закрыла глаза на одно короткое мгновение.

— Я ничего не велела.

— Поэтому пойдём и посмотрим, прежде чем ты велишь.

Рада подошла к столу, развернула потёртый лист и прижала углы каменными грузиками. Это был план долины без договорных знаков: ручьи, тропы, подпорные стены, дома, сараи, колодцы.

— Откуда?

— Сама рисовала после весеннего схода. Дорожный план смотрителя врёт на ширину двух домов. Поток унёс старый мост, новый поставили выше, а на бумаге оба живы.

Она отметила ногтем извилистую линию.

— Если твой отвод начинается здесь, под Четвёртым карнизом, то выйти он может в трёх местах. В сухой чаше, на козьей тропе или над крайней улицей. По виду сверху не угадаем. Надо проверить уклон и куда смотрят борозды.

— До темноты успеем?

— До полной темноты — к нижнему уступу. Обратно пойдём по жилой лестнице. Но под карнизом решаю я.

Мирана подняла взгляд.

— Что именно?

— Когда идти, где стоять и когда поворачивать назад. Ты отвечаешь за книги. Я — за дорогу. Если начнёшь спорить под осыпью, оставлю тебя у первого безопасного столба.

— Согласна.

— Скажи точнее.

Уголок Радина рта дрогнул. Она не издевалась. После сегодняшних признаний каждый требовал слов, которые нельзя было растянуть.

— На участке под Четвёртым карнизом я выполняю твои указания о движении и не иду дальше, если ты запрещаешь.

— Теперь годится.

Тален подвинул к Миране чашку.

— Выпей хотя бы это.

Вода была тёплая, с привкусом железа. Она выпила всю. Брат не смотрел на неё.

— Я пойду к кожевнику, — сказал он. — Попробую выторговать ещё день.

— Не обещай ему договорные книги.

— Я уже понял.

— Тален.

— Не обещаю. Под залог поставлю три частных заказа и шкатулку.

Это было не примирение. Но впервые за день брат назвал цену, которая принадлежала ему.

Рада выдала Миране кожаную каску с пришитым к затылку валиком. Себе взяла другую, покрытую белыми царапинами. Веран хотел идти с ними, однако Рада отказала.

— Тропа узкая. Двое проходят быстро, трое задерживаются. Ты отнесёшь запись Лему и соберёшь людей у выхода из чаши. Если мы свистнем дважды, никого не пускай вверх.

— А если трижды?

— Уводи крайнюю улицу к башне.

— Из-за двух свистков?

— Из-за того, что я редко свищу без причины.

Они вышли через заднюю дверь. В городе уже зажигали фонари, но западные вершины ещё держали свет. Скалы над крышами казались плоскими и близкими, будто кто-то вырезал их из тёмной жести.

Рада не повела Мирану той дорогой, по которой она поднялась с Вераном. Они свернули между красильней и пустым складом, пересекли старую водяную лестницу и вышли к узкой полке над южным лотком. Здесь не было перил. В скалу через каждые двадцать шагов вбили железные кольца.

— Пристегни короткий конец, — сказала Рада.

Мирана привязала верёвку к поясу.

— Не к поясу. Под мышки. Если сорвёшься, пояс сложит тебя пополам.

Она молча перевязала. Рада проверила узел и пошла первой.

Под ногами хрустела сланцевая крошка. Мирана старалась ставить ступню туда, куда ставила Рада, но проводница обернулась.

— Не следуй за пяткой. Смотри на камень. Я легче тебя и уже проверила только свой вес.

— Ты всегда так ободряешь людей?

— Нет. Иногда молчу, чтобы не тратили воздух на ответы.

Через несколько шагов Рада подняла кулак. Мирана замерла. Сверху прокатился сухой шорох, и по склону просыпалась горсть мелких камней. Один ударил по каске, другой отскочил от плеча.

— Это считается опасностью? — шепнула Мирана.

— Это считается приветствием.

Они дождались тишины. Рада коснулась ладонью скалы, потом понюхала пыль на пальцах.

— Свежая, — сказала она. — Карниз двигается не только у твоего шва. Видишь серую полоску?

Над тропой шла тонкая светлая черта. Местами она пряталась под лишайником, местами рассекала камень.

— Трещина?

— Край пласта. Весной была толщиной с волос. Теперь в неё входит ноготь.

Рада вынула из мешка деревянный клинышек, вставила в щель и отметила углём глубину.

— Проверим утром. Если выплюнет клин — пласт сел. Если утянет — разошёлся.

— А если клин останется?

— Значит, хоть что-то за ночь не стало хуже.

Тропа вывела их к старой подпорке, где днём работал Варен. Новая дубовая рама темнела на фоне серого камня. Красная верёвка перегораживала проход, и Мирана уже хотела отцепить её, но Рада повела дальше, по внешней полке.

— Мы обойдём отвод сверху?

— Нет. Сначала найдём, где он должен был выходить. Если полезем внутрь, увидим стену и решим, что она главная. Мне нужен весь склон.

За поворотом открылся широкий наклонный желоб. Днём Мирана видела его кусок из-под подпорки, но отсюда линия читалась целиком. Вверху желоб начинался у тёмного шрама под карнизом. Ниже расходился надвое: восточная ветвь уходила к каменной чаше, южная — к заросшему уступу над долиной.

Между ветвями лежал красный отвал.

— Вот, — сказала Мирана.

— Вижу породу. Пока не вижу пути.

Рада достала из мешка четыре деревянных шарика, каждый размером с орех. Один оставила гладким, на остальных вырезала одну, две и три полосы.

— Что это?

— Дешёвый способ не спорить с уклоном. Вода сейчас не пойдёт: верхний сток закрыт. Камень пойдёт.

Она положила гладкий шарик на плоскую плиту выше развилки и отпустила. Тот покатился к восточной ветви, ударился о выступ, перескочил узкую борозду и остановился у края отвала.

Шарик с одной полосой Рада положила на ладонь левее. Он прошёл по южной ветви и исчез в траве.

— Разные места дают разные ответы, — сказала Мирана.

— Поэтому один камень ничего не доказывает.

Второй и третий шарики Рада пустила с одинаковой точки, разделив расстояние между ними ладонью. Оба покатились к восточной чаше и оба упёрлись в красную насыпь. Один остановился. Другой, набрав скорость, взбежал на нижний край отвала, повернул и ушёл по поперечной канаве на юг.

Рада спустилась, нашла все четыре шарика и повторила опыт ещё выше. Потом ниже. Она не объясняла каждый шаг, а Мирана не торопила. Сумерки густели, однако точность требовала времени даже тогда, когда времени не было.

На шестом спуске три шарика из четырёх ушли на юг.

— Отвал поднял дно восточной ветви, — сказала Рада. — Мелкая осыпь ещё просыплется между камнями. Большая ударит сюда и повернёт.

Она установила складной шест поперёк желоба. На нём были зарубки через ладонь. Правый конец оказался почти на две ладони выше левого.

— Раньше восток был ниже, — сказала Мирана.

— Откуда знаешь?

— В синей тетради написано про восточную чашу. Её должны были устроить, чтобы принимать осыпь.

— Запись говорит, что собирались сделать. Не говорит, каким был уклон.

Мирана прикусила ответ. Рада снова не позволила удобной догадке стать фактом.

— Тогда как проверить прежний уклон?

— Ищи старые борозды на неподвижном камне. Насыпь можно переложить. След воды в стенке остаётся.

Они разделились на расстояние верёвки. Мирана освещала фонарём нижний край, Рада скребла молотком лишайник. Под зелёной коркой показались три параллельные полосы, все уходили на восток. Выше красной насыпи полосы обрывались.

— Вода шла к чаше, — сказала Мирана.

— Вода шла на восток. Чаши могло ещё не быть.

— Ты никогда не даёшь человеку закончить доказательство раньше срока?

— Даю. Потом он заканчивает вместе с дорогой.

Рада достала лист, быстро срисовала борозды и поставила расстояния до двух выступов. Мирана держала фонарь. Ей хотелось самой взять уголь и вывести вывод, но это был Радин осмотр.

Ниже отвала южный желоб сужался между двумя стенами. На левой виднелись отверстия от старых железных скоб. На правой — свежая царапина длиной в локоть.

— Здесь прошёл сегодняшний камень, — сказала Мирана.

Рада присела.

— Почему сегодняшний?

— Царапина светлая.

— Может быть вчерашней.

— После ночного дождя в ней нет тёмной пыли.

Проводница посмотрела на неё и кивнула.

— Это уже ответ.

Они нашли камень ниже. Кусок серого сланца лежал в кустах, ободрав кору двух молодых сосен. На одном ребре осталась золотая пыль от договорной нити. Первый упавший камень, который Мирана держала утром, был меньше. Этот никто в городе ещё не видел.

— Он остановился, — сказала она.

— Потому что был один.

— Большой сдвиг расчистит ему дорогу.

— Не только расчистит. Посмотри на кусты.

Ветви были согнуты вниз по склону. Между корнями застряли старые щепки, клочок мешковины и белая раковина от кухонной свалки.

— Сюда уже доходила вода из долины?

— Наоборот. Это принесло сверху весной. Белая раковина из старой харчевни у верхней лестницы. Поток прошёл этим желобом, только был слабый.

Рада снова развернула план. По нему южный желоб должен был выйти на козью тропу. В действительности они стояли левее, над крышами крайней улицы.

— План врёт сильнее, чем я думала, — сказала она.

— Или путь изменился.

— Проверим снизу.

До нижнего уступа оставалось меньше ста шагов. Именно там тропа проходила под карнизом без колец. Рада убрала план, затянула ремень каски и погасила фонарь.

— Зачем?

— В темноте лучше видно движение светлого камня. И глаза привыкнут до выхода.

Они пошли медленнее. Мирана слышала собственное дыхание, шорох Радиной подошвы и далёкие голоса из долины. Крыши внизу зажигались по одной. Где-то плакал ребёнок. Кто-то ругался из-за козы. Обычный вечер продолжался прямо под желобом, который мог стереть улицу.

Рада подняла ладонь.

На этот раз сверху не шелестело. Раздался щелчок, будто сломали толстую сухую ветку.

— Назад, — сказала проводница.

Мирана сделала шаг.

— Не разворачивайся. Ещё.

Они отступили к выступу. Рада прижала Мирану к внутренней стене и накрыла их обоих серой накидкой. Через мгновение по тропе ударило. Первый камень пролетел мимо, второй разбился о край, третий стукнул в выступ и осыпал их острой крошкой. Мирана сжала зубы, чтобы не вскрикнуть. Каменная пыль набилась в рот.

Грохот длился недолго. Потом вниз покатились отдельные куски, всё реже.

— Стоим, — сказала Рада.

— Уже тихо.

— Камень не знает, что ты решила.

Они простояли ещё столько, сколько понадобилось бы сварить чашку воды. Ноги у Мираны дрожали от неудобной позы. Рада медленно сняла накидку.

Тропа впереди исчезла на длину пяти шагов. Вместо неё был свежий скос, а за ним — пустота.

— Мы не пройдём, — сказала Мирана.

— Пройдём выше по желобу и спустимся через старую лестницу.

— Там же камни.

— Здесь их путь. Выше — место, откуда они ушли. Разница полезная.

Рада вынула свисток и дала два коротких сигнала. Из долины ответил один протяжный. Веран услышал.

Они поднялись на двадцать шагов, перешли желоб по каменной перемычке и нашли заржавевшие скобы. Две держались, третья вышла из стены при первом касании. Рада обвязала верёвку вокруг выступа и спустилась первой.

— Наступай только на те, которые я назову, — сказала она снизу. — Первая, вторая, пропусти третью, четвёртая.

Мирана повторила порядок вслух и полезла. На середине лестницы сумка с Четвёртой книгой ударилась о скалу. Изнутри донёсся хруст.

Она замерла.

— Двигайся, — приказала Рада.

— В книге что-то сломалось.

— Проверишь внизу.

— Там малая нить.

— А здесь большая высота.

Мирана спустилась. На площадке сразу раскрыла сумку. У книги треснула не нить, а тонкая дощечка, которой она утром прикрыла заменённую страницу. Под дощечкой золотой шов светился прерывисто. Каждая вспышка совпадала с далёким скрежетом в карнизе.

— Она показывает движение? — спросила Рада.

— Показывает, что старый шов принимает вес.

— Откуда?

Мирана развернула книгу к свету. Нить шла от отметки южного лотка к полю, где раньше было приложение. На краю страницы проступили три короткие золотые черты. Такие же три черты она видела на своём старом шве — метку переноса нагрузки.

— Я пришила новую страницу к существующей отметке, — сказала она. — Думала, отец перенёс сюда только сведения о водосходе. На самом деле метка вела вес с восточной ветви на южную. Я закрепила перенос, не имея приложения.

Рада не коснулась книги.

— Ты это знала семь лет назад?

— Видела метку. Не знала, что она означает именно путь осыпи.

— А что думала?

— Что отец обозначил порядок листов. Он часто ставил три черты на временных вкладках.

— Ты спросила?

— Нет. Его уже не было. Я хотела закончить книгу до городского осмотра.

— Почему не оставила пустое место?

Мирана смотрела, как свет бежит по её стежкам.

— Потому что пустое место увидели бы. Мне пришлось бы сказать, что я не понимаю отцовскую работу. Я была новым мастером и боялась, что книги отдадут другой семье.

Золотая нить вспыхнула ярче, но тут же погасла.

— Это признание? — спросила Рада.

— Да. Но исправления нет. И я сказала его не тем, кому грозит вред.

— Тогда запомни точные слова. В долине повторишь без украшений.

Они вышли к крайней улице через пустой козий загон. Веран ждал у ворот с шестью мужчинами и женщинами. У каждого был фонарь, у двоих — носилки. Увидев пыль на Радиной накидке, он поднял свисток.

— Третий сигнал?

— Пока нет, — сказала Рада. — Сначала проверим выход.

Жители заговорили разом.

— Камни уже пошли?

— Какую улицу сносить?

— Нам сказали уходить к башне.

— Почему башня, там места нет?

Рада свистнула один раз, резко и громко.

— Молчать умеете? Тогда услышите, что действительно нашли. Не умеете — разойдитесь и слушайте слухи.

Голоса стихли.

Она расставила людей вдоль стены козьего загона, велела держать фонари у земли и принесла из сарая ведро воды. Воду вылила в канаву у подножия склона. Сначала поток пошёл вдоль стены, затем попал в незаметную борозду и повернул между двумя домами.

— Здесь сухо, — сказал хозяин ближнего дома. — Вода никогда не идёт отсюда.

— Потому что наверху закрыт сток, — ответила Рада. — Я показываю уклон.

Вода вынесла из борозды красную пыль.

Мирана опустилась на колено и растёрла её между пальцами. Та же порода, что в отвале.

— Отвал уже осыпается сюда, — сказала она.

Рада покачала головой.

— Пыль может быть с телеги.

— По этой борозде не проходит телега.

— Могли принести на сапогах.

Хозяин дома нахмурился.

— Красная пыль появляется после сильного дождя. Жена ругается, что пачкает бельё. Мы думали, с крыши.

— Как давно? — спросила Рада.

— Лет пять. Может, шесть.

— До постройки дома была?

— Дом старше. Я надстроил верх семь лет назад.

Семь лет. Мирана посмотрела вверх. В темноте карниз был невидим, но его линия жила в книге у неё под рукой.

Рада попросила ещё два ведра. Первое вылила на пять шагов восточнее, второе — западнее. Восточная вода ушла к сухому саду. Западная собралась в той же борозде между домами. Затем проводница протянула шнур от борозды вверх по направлению склона. Он указал прямо на разрыв между крышами и дальше — на южный желоб.

— Теперь достаточно? — спросила Мирана.

— Для вывода о воде — да. Для большого обвала нужен размер пути.

Они измерили ширину борозды, высоту стен и расстояние до домов. Рада называла числа, Веран записывал. Жители приносили старые доски, и по меткам на них выяснилось: после каждого сильного дождя красная полоса поднималась выше. Последняя была на две ладони над землёй.

Мирана открыла малую книгу. На пустом месте приложения золотая нить сложилась в едва заметный рисунок. Не слова — уклон. Восточная ветвь была перечёркнута тяжёлой красной тенью, южная линия упиралась в семь маленьких прямоугольников.

Она пересчитала дома перед собой.

Семь.

— Книга знает, — прошептал Веран.

— Книга повторяет то, что в неё пришили, — сказала Мирана. — Не делай из моей ошибки пророчество.

Она встала на каменный порог, чтобы её видели все.

— Семь лет назад я заменила страницу в Четвёртой книге. На старом шве была метка переноса веса. Я не поняла её и не нашла приложение, где объяснялся путь осыпи. Вместо того чтобы оставить место пустым и сказать городу, что работа не закончена, я сшила книгу как завершённую. Я боялась потерять ремесло семьи. Мой шов закрепил южное направление.

Никто не перебил.

— Сегодня мы нашли наверху отвал, который поднял восточный путь, старые борозды к востоку, свежие следы камней на юге и красную породу в стоке между этими домами. Это ещё не расчёт большого сдвига. Но достаточно, чтобы считать крайнюю улицу опасной и не оставлять людей без ночного дозора.

Золотая нить в книге поднялась над страницей и дрогнула. На миг Мирана подумала, что признание сработало. Потом нить легла обратно, не закрепившись.

Хозяин ближнего дома поднял руку.

— Что ты исправишь?

Вот почему нить не держала. Слова называли прошлое, но не обещали действия, которое можно проверить.

— До рассвета мы поставим три дозора: у свежего скола, над желобом и здесь. Детей, больных и тех, кто не сможет быстро подняться, переведём к башне уже сейчас. Утром откроем доступ к восточной чаше и измерим, можно ли вернуть туда путь. Я найду утраченное приложение или восстановлю его по следам, но не стану пришивать догадку как факт. И вынесу запись о своей ошибке на общий разбор жителей долины.

Нить снова поднялась. Один её конец вошёл в старый шов, другой вытянулся к краю страницы, оставляя место для будущей работы. Она не стала золотой целиком, но перестала рваться в такт карнизу.

— Теперь держит? — спросила женщина с носилками.

— Только обещание. Если не сделаем, ослабнет.

— А дома?

— Не могу обещать, что они останутся. Могу обещать, что не скрою цену решения.

Рада поднялась рядом с ней.

— Я подтверждаю только то, что проверила сама. Путь мелкой осыпи и воды сейчас ведёт к крайней улице. Большой пласт ещё не измерен. Мастер Вель не велела сносить три улицы и не сказала, что башня безопасна при любом обвале. До нового осмотра действуют мои сигналы: два свистка — не подниматься по южной тропе, три — уходить к верхней площади по жилой лестнице.

— Ты свидетель её старой работы? — спросил кто-то.

— Нет. Семь лет назад меня здесь не было. Я свидетель сегодняшнего пути и собственных измерений.

Мирана почувствовала благодарность именно за этот отказ. Рада не закрывала пробел дружеским словом и не делала её признание удобнее. Рядом с таким человеком было труднее спорить и легче не солгать себе.

Веран распределил дозоры. Ружан, тот самый рабочий, который подписал запись в мастерской, неожиданно вышел из темноты с тремя шахтёрами.

— Бран велел вернуться в сменный дом, — сказал он. — Мы решили сначала проводить книгу.

— Книгу унесли обратно? — спросила Мирана.

— Да. Поставили не у печи, а в кладовой. Счётчик ругался.

— Почему вы здесь?

Ружан посмотрел на красную пыль в борозде.

— Моя сестра живёт во втором доме. И я помогал возить этот отвал семь лет назад.

Все повернулись к нему.

— Откуда возили? — спросила Рада.

— Из пробной штольни над восточной чашей. Нам сказали засыпать старую выемку, чтобы не заливало рудник.

— Кто сказал?

— Тогдашний десятник. Брана ещё не было главным.

— Чья артель?

— «Красный клин». Печать та же.

— Ты видел обязательство вывезти отвал?

— Нет.

— Знал, что внизу будут дома?

— Дома уже были. Нам сказали, до них ничего не дойдёт: восточная чаша примет камень.

— Но вы засыпали путь к ней, — сказала Мирана.

Ружан опустил голову.

— Я возил телегу. Путь выбирал не я.

— Ты знал, куда сыплешь?

— Видел старый желоб. Думал, десятник понимает лучше.

— Что можешь исправить теперь? — спросила Рада раньше, чем Мирана успела открыть книгу шире.

Ружан посмотрел на шахтёров.

— Покажу подъезд к верхнему краю. Там остались рельсы для вагонеток. Если собрать смену, часть отвала можно снять быстрее, чем снизу.

На странице возникла тонкая золотая точка.

— Не записывай пока, — сказала Мирана. — Сначала покажешь путь и назовёшь, сколько людей нужно. Твоё слово не должно стать приказом всей смене.

— Понял.

— Нет, — возразила Рада. — Пока не понял. Утром он может показать подъезд. Решение снимать отвал примем после проверки, не сейчас в темноте. Если дёрнем нижний камень, верхний пласт пойдёт прямо на нас.

Ружан кивнул.

— Утром покажу. Без людей.

Это было меньше красивого обещания и полезнее.

Первых жильцов повели к башне. Никто не хотел уходить. Люди собирали одеяла, муку, лекарства, клетки с птицей, старые документы, детские башмаки. Один мужчина пытался вынести дверную створку, потому что сам её резал. Женщина с носилками заставила его бросить створку и взять мешок соседки.

Мирана помогала переносить вещи до жилой лестницы. После третьего подъёма руки начали дрожать. На четвёртом она увидела Талена.

Он спускался с фонарём и пустой шкатулкой под мышкой.

— Кожевник взял три марки и расписки, — сказал брат. — Станок оставит до второго рассвета.

— Не до девятого?

— До второго. Больше не дал.

— Это день.

— Это один день, купленный всем серебром, которое у нас было.

Тален посмотрел на людей с узлами.

— Значит, правда сюда?

— Путь мелкой осыпи доказан. Большой сдвиг ещё надо измерить.

— Бран говорит, ты обвиняешь артель без записи.

— Ружан подтвердил, что возил отвал от их штольни.

— Один рабочий против печати артели.

— Не против печати. О своей работе.

Тален потёр лоб.

— Предложение Брана действует до рассвета.

— Я знаю.

— И что теперь?

Мирана показала ему красную борозду, семь домов и золотую линию в книге, которая заканчивалась незашитым краем.

— Теперь цена стоит перед нами, а не в отдельной тетради.

Тален долго смотрел на второй дом. В его окне Ружан помогал сестре завязывать тюк.

— Если артель даст людей снять отвал, ты всё равно откажешься?

— От людей не откажусь. От права требовать признания — да.

— Бран не разделит.

— Тогда разделить придётся городу.

— Город спорит, кто имеет право читать записи.

— Значит, спор начнём с тех, на кого упадёт камень.

Тален кивнул не ей, а будто числу, которое наконец перестало помещаться на счётной доске. Потом взял у пожилой женщины мешок и понёс вверх.

К полуночи крайняя улица опустела наполовину. Три дозора заняли места. Рада нарисовала новый план на обороте артельного пропуска Верана: старые водяные борозды, красный отвал, южный желоб, свежий скол, семь домов. Внизу написала: «Проверено ногами и водой в первый вечер из девяти. Большой пласт не измерен».

— Подпишешь? — спросила Мирана.

— Своё — да.

Рада поставила знак под измерениями. Веран — под расположением домов и дозоров. Ружан — под сведением о перевозке отвала и обещанием показать подъезд утром. Мирана отдельно записала свой старый шов и то, что обязалась сделать до второго рассвета.

Ни одна подпись не заменяла другую.

Когда они закончили, со стороны рудника ударил колокол. Один раз, потом второй, потом ещё пять быстрых ударов.

Веран побледнел.

— Пятая скрепа. Созыв смены.

Снизу, из рудничного посёлка, начали зажигаться огни. Они двигались цепочкой к счётному дому Брана.

Ружан прислушался.

— Он собирает всех, кто оставлял объяснения.

— Зачем ночью? — спросил Тален.

Шахтёр провёл ладонью по рассечённой брови.

— Чтобы к рассвету получить столько признаний, сколько нужно для своего предложения.

Малая книга Четвёртой скрепы раскрылась сама. Незакреплённый конец золотой нити вытянулся на юг, к руднику, и рядом с ним проступила пустая серая петля.

Мирана закрыла книгу обеими ладонями.

Первый рассвет из девяти ещё не наступил. Но Бран уже начал брать у него плату.

Глава 6. Признание за смену

Колокол ударил ещё раз, хотя положенные семь ударов уже прозвучали.

Ружан поднял голову.

— Это не созыв. Это проверка, кто явился.

— Откуда знаешь? — спросила Мирана.

— При аварии бьют семь раз и ждут. Если через четверть часа не вся смена у счётного дома, добавляют по одному. За каждый лишний удар снимают полмарки с десятника.

— Даже ночью?

— Особенно ночью. Днём люди могут сказать, что не слышали за молотами.

По нижней дороге к руднику тянулись огни. Рабочие шли по двое и по трое, некоторые прямо из домов, в домашних куртках поверх рубах. Один нёс ребёнка на руках и передал его женщине у поворота. Женщина осталась ждать, не возвращаясь домой.

Мирана закрыла малую книгу Четвёртой скрепы и убрала в сумку.

— Я иду туда.

— Нет, — сказала Рада.

— Ты отвечала за тропу.

— Теперь отвечаю за людей, которых мы вывели. У нас три дозора и половина улицы на лестнице. Если ты уйдёшь молча, они решат, что опасность уже у рудника, и побегут следом.

Мирана посмотрела на жителей. Те делали вид, что заняты узлами, но слушали каждое слово.

— Тогда я скажу, куда и зачем иду. Ты останешься здесь?

— До смены дозора. Потом догоню, если дорога будет нужна.

— В рудничном посёлке я найду дорогу сама.

— Найдёшь. Вопрос, найдёшь ли выход, когда Бран закроет ворота.

Ружан сунул свисток за ворот.

— Через старую мойку есть проход к реке. Замок сняли весной.

— Теперь там снова замок, — сказала женщина с носилками. — Мой племянник работает на мойке.

Мирана почувствовала, как спор начинает съедать время. Бран рассчитывал именно на это: пока остальные выясняют, кто вправе идти, счётчик заполнит книгу.

— Я иду через главные ворота, — сказала она громко. — Не потому, что опасность для долины миновала. Дозоры остаются, переселение продолжается. У артели находится малая книга Пятой скрепы, и сейчас в неё собирают вынужденные объяснения. Они могут ослабить рудный пласт и весь хребет. Тален, останешься с жителями?

Брат оглянулся на рудничные огни.

— Я пойду с тобой.

— Мне нужен здесь человек, который знает городской совет и может открыть башенный склад.

— Ты просишь меня раздавать чужое зерно?

— Прошу записать, кому и сколько выдали, чтобы утром никто не назвал это кражей.

Тален усмехнулся без веселья.

— Значит, всё-таки нашлось применение счётчику.

— Нашлось. И это не продажа книг.

Он взял у Верана список переселяемых семей.

— Иди. Но до рассвета вернись к станку. Один день отсрочки уже идёт.

Ружан и трое шахтёров пошли с Мираной. Она не просила их. На первом повороте остановилась.

— Если вы идёте потому, что я мастер книг, возвращайтесь. Я не могу приказать вам спорить с артелью.

— Я иду потому, что моё имя уже в Пятой, — сказал худой шахтёр с седой прядью. — И хочу увидеть, что из него сделали.

— Моё тоже, — произнесла женщина в коротком кожаном фартуке. — За сломанный ворот.

Третий, совсем молодой, пожал плечами.

— Мне сняли взыскание за опоздание. Если теперь из-за этого трещит гора, хочу знать.

— Имена?

— Сарн, — сказал седой.

— Эвика.

— Дой.

— Хорошо. Внутри говорите только о своём. Не подтверждайте чужие записи, если не видели.

— А ты? — спросила Эвика. — О чём будешь говорить?

— О состоянии книги.

— Ты её не видела открытой.

Вопрос был справедливым и неприятным.

— Тогда потребую осмотра. Пока смогу говорить только о цепи, жаре и пустой петле в Четвёртой.

— А если не откроют?

— Зафиксируем отказ.

— Бумагой камень не подопрёшь, — повторил Ружан слова Брана.

— Не подопрёшь. Но бумага покажет, чьи руки надо отвести от книги, пока мы ставим подпорку.

Рудничный посёлок начинался за каменным мостом. Днём здесь гремели вагонетки и пахло угольной смазкой. Сейчас рельсы блестели пустыми, зато перед счётным домом стояла толпа. Главные ворота не закрыли. Двое стражей пропускали только работников с медными сменными жетонами.

Ружан показал свой. Сарн и Эвика прошли следом. Дой протянул жетон, но страж перевернул его и постучал ногтем.

— Дневная смена.

— Колокол общий.

— Для тех, кого вызывали.

— Меня записывали вчера.

— Тогда жди снаружи.

Мирана шагнула к воротам.

— Я переплётчик договорных книг.

— Жетон.

— У мастеров нет сменных жетонов.

— Значит, нет входа.

За спиной кто-то узнал её имя. По толпе прошёл шёпот. Стражи переглянулись.

— Позовите Брана, — сказала Мирана.

— Главный занят.

— Тогда счётчика, который пишет в Пятой книге.

— Он тоже занят.

— Именно поэтому я пришла.

Страж справа был старше. На шее у него висел деревянный знак с номером смены. Он смотрел не на Мирану, а на людей вокруг. Если вытолкнуть мастера при всех, спор выйдет за ворота. Если впустить — войдут вопросы.

— Только ты, — решил он.

— Со мной законный смотритель Пятой скрепы, — сказала Мирана и оглянулась.

Веран не пришёл. Он остался у дозоров, как велела Рада. Ошибка ударила слишком поздно: Мирана поспешила к книге, но не взяла человека, которому та была доверена.

— Смотрителя нет, — сказал страж.

— Есть работники, чьи записи находятся внутри.

— Они пройдут по жетонам.

Дой остался снаружи. Мирана, Ружан, Сарн и Эвика вошли.

Двор счётного дома был освещён жаровнями. Людей выстроили в четыре очереди. У каждой стоял писец с доской. Рабочий отдавал жетон, называл имя, слушал прочитанную запись и ставил знак. После этого получал жетон обратно вместе с маленькой полоской белой бумаги.

— Что на полоске? — спросила Мирана.

— Снятая сумма, — ответил Сарн. — Её потом вычтут из долга лавке.

— Артель держит лавочный долг?

— Лавка артельная. Жильё тоже. У кого долг за комнату, тому снимают с комнаты.

— А если человек не ставит знак?

Эвика кивнула на отдельную очередь у стены. Там стояли шестеро без жетонов.

— Ждёт разбор. Смена ему не оплачивается, пока счётчик не решит.

Мирана наблюдала за ближним столом. Молодая женщина выслушала запись: «Неверно закрепила крышку вагонетки, допустила потерю двух лопат породы». Писец показал место для знака.

— Крышку закреплял Пох, — сказала женщина.

— Вагонетка была на твоём участке.

— Я принимала пустую.

— Тогда напиши возражение и жди разбора.

— У меня утренняя смена.

— Без жетона не войдёшь.

Женщина оглянулась на очередь. Люди за ней молчали. Она поставила знак. Писец выдал белую полоску.

Над столом на миг возникла серая нитка, тонкая, как паутина, и потянулась к окну второго этажа.

Мирана увидела её. Ружан тоже: он выругался.

— Раньше такого не было, — сказал Сарн.

— Было, — ответила Эвика. — Только слабее. Я думала, дым.

От каждого стола поднимались нити. У окна они собирались в тусклый жгут и уходили внутрь. Некоторые лопались сразу, осыпая людей серой пылью. Другие держались, но не золотели.

Мирана подошла к молодой женщине.

— Ты согласилась с записью?

— Мне вернули жетон.

— Это не ответ.

— А вам какой нужен?

В её голосе не было почтения к мастеру, только усталость.

— Точный. Ты закрепляла крышку?

— Нет.

— Допустила потерю породы?

— Я приняла пустую вагонетку. Потом десятник отправил меня к весам. Когда вернулась, крышка уже была сорвана.

— Почему поставила знак?

Женщина показала белую полоску.

— Две марки. За комнату должна четыре. Если не выйду утром, добавят ещё одну. Хотите заплатить за меня?

Мирана не нашла быстрого ответа. У мастерской не было даже денег на станок.

— Нет, — сказала она. — Не могу.

— Тогда не задерживайте очередь.

Она ушла. Серая нить от её записи осталась у окна.

— Вот что Бран называет добровольным, — произнесла Эвика.

Писец услышал.

— Никого не держат. Можно отказаться и подать возражение.

— Без жетона и оплаты, — сказала Мирана.

— Пока идёт разбор. Иначе каждый станет спорить.

— Для того и нужен разбор.

— Для работы нужна дисциплина.

Ружан положил перед ним свой жетон.

— Читай мою запись.

Писец нашёл строку.

— «Нарушил порядок хранения договорной книги, допустив её размещение у источника жара».

Мирана повернулась к Ружану.

— Ты размещал футляр у печи?

— Нет. Счётчик велел поставить. Я сказал, что место плохое.

— Это записано?

— Нет.

— А кто поставил?

— Я и Дол. Куда велели.

Писец подвинул доску.

— Подтверди и получишь жетон. Повреждения нет, взыскание снимут целиком.

Ружан взял перо. Мирана не остановила его. Право назвать ошибку принадлежало ему, вместе с правом ошибиться сейчас.

Он зачеркнул строку одним движением.

— Пиши: «Поставил футляр у печи по приказу счётчика, заметил жар, дважды потребовал переставить и не перенёс сам». Моё действие — поставил и не перенёс. Его приказ — не моя ошибка.

— Так запись не примут.

— Тогда давай жетон на разбор.

— Смена сгорит.

— Сгорит моя.

Писец забрал медный кружок и бросил в деревянный ящик у стены. Серой нити над столом не появилось.

— Следующий.

Ружан отошёл без жетона. Лицо у него было серее рудной пыли.

— Сестра рассчитывает на мою плату, — сказал он Миране. — Если твоя книга ничего не изменит, я это запомню.

— Запомни. Я не обещала вернуть тебе смену.

— Хорошо, что хоть не благодаришь.

Сарн подошёл к соседнему столу. Его запись обвиняла в неверном расчёте длины крепи. Он прочёл её дважды.

— Число моё, — сказал он. — Но лес привезли короче на ладонь. Я решил, что сойдёт, потому что начальник торопил. Вторая стойка теперь подложена щепой.

Писец оживился.

— Значит, подтверждаешь.

— Подтверждаю своё решение поставить короткую стойку. Исправлю: заменю её до следующего спуска.

— Наряд выдаёт десятник.

— Тогда пусть выдаст.

— Запись не содержит исправления.

— Добавь.

— Форма утверждена.

— Значит, ваша форма не годится.

Сарн отказался ставить знак без дополнения. Его жетон тоже отправился в ящик. Эвика, увидев это, даже не подошла к писцу.

— Я сломала ворот, — сказала она Миране. — Потянула рычаг после скрипа, потому что хотела закончить подъём до конца смены. Могу заменить втулку. Но если сейчас назову это им, они спишут мне одну марку и поставят к вороту другого.

— Почему?

— Я медленнее молодых. Ошибка даёт повод убрать меня с подъёма.

— А если не назовёшь?

— В книге уже написано. Только без причины и ремонта.

У окна второго этажа вспыхнул серый свет. Жгут пустых нитей натянулся, будто кто-то наверху потянул его руками. В земле под двором раздался низкий скрежет.

Люди в очередях замолчали. Из щели между плитами вырвался тёплый воздух с запахом железа.

— Это вентиляция, — крикнул один из писцов. — Не расходиться!

Мирана присела и положила ладонь на камень. Плита дрожала. По шву между ней и соседней плитой ползла чёрная трещина, толщиной с нитку.

Серая паутина опустилась к земле и вошла в трещину. Та расширилась.

— Прекратите записи! — крикнула Мирана.

Писцы замерли, но из дверей счётного дома вышел Бран.

— Продолжать, — приказал он. — Пятая скрепа принимает вес.

— Она не принимает. Она трескается.

— Плиты двигаются каждую осень.

— Сейчас начало лета.

— В горах нет календаря для камня.

Он спустился во двор. За ним двое служащих несли раскрытую малую книгу Пятой скрепы на деревянном подносе. Цепь сняли. Страницы были исписаны узкими столбцами. От каждой подписи тянулась серая нить. Жгут проходил через корешок и уходил вниз, в камень.

— Закройте книгу, — сказала Мирана.

— Вы хотели осмотреть. Осматривайте.

— На столе, без новых записей.

— Смена уже созвана. Люди должны закончить.

— Что закончить? Признать составленный вами список?

— Подтвердить нарушения. Мы уменьшили взыскания, чтобы никто не боялся говорить правду.

— Вы связали правду с жетоном, оплатой, жильём и долгом лавке.

— Мы связали ответственность с последствиями.

— Нет. Последствие здесь одно: поставишь знак — получишь право работать. Не поставишь — потеряешь смену ещё до разбора.

Бран указал на Ружана.

— Его никто не заставил. Он отказался.

— Потому что готов потерять деньги.

— Значит, выбор был.

Мирана услышала, как люди в очереди зашевелились. Слово «выбор» раздражало сильнее прямой угрозы. Пока угроза называлась приказом, с ней можно было спорить. Когда её называли выбором, виноватым становился тот, кто не согласился платить.

— Если перед человеком две двери, — сказала Эвика, — а за одной вы отнимаете хлеб, это не значит, что первая открыта добровольно.

Бран посмотрел на неё.

— Ваше имя?

— Оно уже в книге. Найдите сами.

По двору прошёл короткий смешок. Писцы опустили глаза.

Бран взял книгу с подноса. Держал бережно, но неправильно: под корешок, позволяя тяжёлым листам тянуться вниз.

— Мастер Вель, — сказал он, — вы утверждаете, что эти записи вредят скрепе. Докажите.

— Положите книгу.

— Докажите так.

— Вы держите её так, что рвёте нижние шнуры.

— Значит, она плохо сшита.

— Ей двести лет.

— Тем более пора передать содержание тому, кто купит новый футляр.

Мирана шагнула ближе. Серая нить обвила Браново запястье, но он, похоже, не чувствовал.

— Видите цвет? — спросила она у людей.

Кто-то ответил: «Серый».

— Точная добровольная запись после исправления даёт золото. Здесь пустые нити. Они идут не к выполненной работе, а в трещину.

— Удобное правило, — сказал Бран. — Золото появляется только тогда, когда вы одобряете слова.

— Варен получил золотую нить без моего одобрения. Он назвал пропущенную проверку, поставил новую раму и вернул камни. Ружан сейчас точно отделил своё действие от приказа — нити не было, потому что исправление впереди. Сарн назвал короткую стойку и способ заменить — вы не позволили вписать исправление. Ваша форма обрывает половину, которая держит.

Сарн поднял руку.

— Покажите мою запись в книге.

Бран не ответил.

— Она моя, — продолжил шахтёр. — Вы сами говорите об ответственности. Покажите.

К нему присоединились другие голоса.

— И мою.

— Прочтите строку про вагонетку.

— Где написано, что мне дали кривую лопату?

Писцы начали отступать от столов. Очереди смешались. Стражи у ворот закрыли створки наполовину, но Дой и оставшиеся снаружи удержали их руками.

— Порядок! — крикнул Бран. — Каждый получит выписку после завершения сверки.

— Белая полоска — не выписка, — сказала Мирана. — Это цена подписи.

Трещина под плитами щёлкнула. Одна жаровня накренилась, угли посыпались на землю. Эвика скинула кожаный фартук и накрыла их раньше, чем вспыхнул разлитый жир.

Из раскрытой книги вырвалась сразу дюжина серых нитей. Они не ушли вниз, а метнулись к людям, обвивая запястья тех, кто поставил знаки. Молодая женщина с записью о вагонетке вскрикнула и попыталась стряхнуть нить. Та затянулась.

— Не рвите! — сказала Мирана. — Назовите, что в строке неправда.

— Я не крепила крышку!

Нить ослабла.

— Что вы сделали на самом деле?

— Приняла пустую вагонетку и ушла к весам по приказу десятника.

Серый узел раскрылся, но не исчез.

— Что можете проверить или исправить?

— Найти журнал приёмки. Там время и мой знак. Пох пришёл после.

Нить отступила от её руки и повисла между ней и книгой.

Другие заговорили разом. Кто-то отрицал всё, кто-то называл свою часть, кто-то обвинял десятника. Серые нити метались и цеплялись друг за друга. От множества слов трещина не закрывалась. Наоборот, плиты расходились быстрее.

— По одному! — крикнула Мирана. — Не чужую ошибку. Только свою строку и действие, которое можно проверить.

Её голос утонул.

Бран поднял книгу выше.

— Видите? Без порядка это превращается в свалку оправданий. Писцы, продолжать по списку!

— Закрой книгу! — крикнул Ружан.

Он бросился вперёд. Страж перехватил его за плечи. Сарн схватил стража, кто-то толкнул стол. Доски с записями упали. Толпа качнулась к лестнице.

Мирана увидела, как нижний шнур книги вытянулся из корешка на целый палец.

— Бран, положите её!

Он отступил на ступень. Под его сапогом лопнул край плиты.

Скрежет пришёл снизу, из рудника. Не громкий — глубокий. Такой звук не бил в уши, а проходил через рёбра. За окнами сменного дома погасли сразу три лампы.

Ружан перестал бороться.

— Восточная пустота, — сказал он.

— Откуда знаешь? — спросил страж.

— Там воздушный ход. Когда свод садится, тушит лампы.

Бран посмотрел на тёмные окна.

— Аварийная бригада в штольню. Остальным закончить сверку.

Никто не двинулся.

— В штольню нельзя, пока Пятая книга тянет пустые нити в трещину, — сказала Мирана.

— Книга не двигает камень.

— Нет. Камень двинули выработки, короткие стойки и закрытые ходы. Но книга должна связывать признанную ошибку с исправлением. Вы связали её с взысканиями. Теперь она усиливает не работу, а разрыв между записью и правдой.

— Красивые слова.

— Дайте Сарну исправить стойку.

— Ночью, при движущемся своде?

— Он знает место. Пусть назовёт безопасный способ.

Сарн шагнул вперёд.

— В восточную пустоту не надо входить снизу. Над ней есть боковой лаз из старой мойки. Стойку можно разгрузить двумя винтовыми домкратами, заменить сверху и проверить отвесом.

— Домкраты на складе, — сказала Эвика. — Ключ у ночного десятника.

— Ворот сломан, — возразил кто-то.

— Втулка треснула, но ручной подъём работает. Я сама сломала её, когда тянула после скрипа. Я же разберу и поставлю запасную.

На странице Пятой книги две серые нити задрожали. Внутри одной мелькнул золотой свет.

Мирана указала на него.

— Вот доказательство. Не подпись. Связь слова с действием.

Бран опустил взгляд. Свет видел и он.

— Разрешите им взять домкраты и запасную втулку, — сказала Мирана. — Закройте книгу до выполнения.

— А если свод сядет за это время?

— Он уже садится, пока ваши писцы собирают знаки.

Ружан вывернулся из ослабевшей хватки стража.

— Я пойду через мойку с Сарном. Знаю верхний лаз.

— У тебя нет жетона, — машинально сказал писец.

Рабочие засмеялись. Смех получился злой.

Бран поднял руку.

— Тишина. Сарн, Эвика и Ружан получают временный наряд на аварийную работу. Десятник выдаст инструменты.

— Не временный наряд, — сказал Сарн. — Запишите, что я исправляю названную мной короткую стойку. И что длину привезённого леса тоже проверят.

— Сейчас не время торговаться.

— Я не торгуюсь. Если напишете только мою ошибку, завтра поставят такую же стойку в другом месте.

Бран сжал книгу сильнее. Нижний шнур натянулся.

— Пишите, — приказал он счётчику.

Счётчик вышел из дверей с отдельной доской. Это был маленький мужчина с ожогом на щеке. Он нашёл строку Сарна и добавил слова о коротком лесе, замене стойки и проверке поставки. Сарн прочёл, исправил одно слово и поставил знак.

Нить стала золотой только до середины. Остаток по-прежнему был серым.

— Ждёт действия, — сказала Мирана.

Эвика продиктовала свою запись: услышала скрип ворота, продолжила подъём ради окончания смены, треснула втулка; исправление — снять нагрузку ручным приводом, заменить втулку, проверить зубья и не возвращать ворот в работу без холостого оборота. Счётчик попытался сократить, но она заставила вернуть каждую проверку.

Ружан записал: поставил футляр у печи по приказу, заметил жар, не перенёс сам; исправление — выбрать сухое прохладное место и сделать подставку, не касающуюся пола. Он добавил, что сначала участвует в аварийной работе, потому что риск для людей выше риска футляру.

— Кто определил порядок? — спросил Бран.

— Я, — сказал Ружан. — И отвечу, если ошибся.

Три нити вытянулись к дверям склада. Рабочие пошли за инструментами. Несколько человек из толпы двинулись следом.

— Только назначенные! — крикнул десятник.

— Им нужны четыре руки на домкраты, — сказал Сарн. — Двое к каждому. Выберу сам тех, кто работал в верхнем лазе.

Он назвал четыре имени. Люди вышли. Остальные остались во дворе.

Мирана подошла к книге.

— Теперь положите.

Бран передал её служащим. Те установили поднос на каменный стол. Мирана подложила под тяжёлые листы клиновидную доску, ослабила натяжение шнуров и закрыла обложку не до конца, оставив воздушный промежуток.

Серые нити не исчезли. Они лежали на дворе, как сеть после отлива.

— Что с остальными? — спросила молодая женщина.

— Каждую спорную запись надо отделить, — сказала Мирана. — Но не сейчас всем разом. Сначала остановим пустоту.

— А жетоны?

Бран ответил раньше неё:

— Получат после сверки.

Толпа загудела.

— Нет, — сказала Мирана. — Верните жетоны до разбора. Иначе следующие слова всё равно будут вынужденными.

— Тогда половина уйдёт.

— Это и покажет, кто хочет остаться добровольно.

— Вы распоряжаетесь моей сменой?

— Нет. Я называю условие, при котором книга перестанет расширять трещину.

— Опять недоказанное правило.

Мирана указала на щель между плитами. После закрытия книги она перестала расти, но не сузилась.

— Попробуйте вернуть один жетон и убрать взыскание до разбора.

Бран не двигался.

Рядом с воротами раздался голос Доя:

— Мой верните. Я снаружи и всё равно не уйду.

Смех на этот раз был тише. Старший страж открыл деревянный ящик, нашёл жетон Ружана и посмотрел на Брана.

— Его не отдавать, — сказал Ружан. — Я уже выбрал разбор. Верните той, что про вагонетку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.